

Николай Шамрин

Баловень

Книга первая

Николай Шамрин

Баловень

«Автор»

2022

Шамрин Н.

Баловень / Н. Шамрин — «Автор», 2022

Таких, как он, сегодня называют «мажорами». В советское время их звали «блатными». У Павла Коробова, сына высокопоставленного партийного работника, было всё, о чём не могли даже мечтать сверстники. Судьба сыграла с ним злую шутку, и ему пришлось поменять беззаботное студенчество на службу в Советской Армии. История парня, воевавшего в составе Ограниченного Контингента Советских войск в Афганистане. Все персонажи вымышлены. Совпадения фамилий и обстоятельств носят случайный характер.

© Шамрин Н., 2022

© Автор, 2022

Николай Шамрин

Баловень

Пролог

Пашка открыл глаза и увидел небо. Оно было высоким, чистым и почему-то круглым, как будто сказочный великан вырезал из голубого полотна аккуратную окружность и приклеил её на чёрный лист бумаги. Он хотел было подняться, но почувствовав, как сопротивляется тело, лишь повернул голову. Постепенно глаза стали привыкать к сумраку, и Пашка смог рассмотреть два нечётких силуэта, лежащих почти вплотную к нему. С трудом сглотнув солоноватую слюну, он громко проговорил первое, что пришло ему в голову:

– Где я?

Один из силуэтов зашевелился и нагнулся над ним. От тяжёлого запаха, исходящего от тела существа, перехватило дыхание. Пашка хотел возмутиться, но не смог вспомнить подходящие слова. Между тем лицо силуэта начало обретать очертания. Сначала нарисовался лоб с прилипшими прядями густых и грязных волос, затем заплывшие глазницы. И лишь потом Пашка увидел шевелящиеся губы, через которые прорывались то ли звуки, то ли слова. Он, собрав остатки сил, заставил себя вслушаться в клочотанье. Не получилось. Силуэт снова начал удаляться, теряя обрётённые несколько секунд назад контуры и Пашка просто закрыл глаза, рассчитывая окончательно проснуться и вырваться из кошмарных сновидений.

Между тем, «силуэт», вернувшись в исходное положение, слегка подтолкнул локтем лежащего рядом человека и тоскливо-безразличным голосом спросил:

– Как ты думаешь, сегодня жратву давать будут?

Человек и не собирался отвечать. Ему было всё равно. Он тихо умирал и уже не чувствовал ни голода, ни жажды. «Силуэт» тяжело вздохнул и заговорил, обращаясь то к неподвижному Пашке, то к безмолвному товарищу:

– Хрен с ней, со жратвой. Привык я уже... Им что, воды жалко? Хотя колодец-то один, видать экономят воду, – он снова легонько подтолкнул соседа, – зря ты вчера тухлятину опрокинул. Всё-таки вода, есть вода. Даже тухлая. Я бы сейчас новичка обтёр. Сильно его долбануло, никак в себя не придёт. Ты не бери в голову, я не в укор. Понимаю, что случайно опрокинул. Чего молчишь? Ответить трудно?

Над головой раздалось шуршание. Это охранники сдвигали в сторону тяжёлую деревянную решётку, закрывающую выход из норы. «Силуэт» замер в ожидании, стараясь угадать, что приготовили духи на этот раз. Может спустят немного мутного варева, а может и просто воды. «Ничего, – думал «Силуэт», всматриваясь в клочок белесого неба, – и то, и другое сойдёт. Главное, чтобы ради шуток снова парашу свою не спустили. Итак, дышать нечем». Ржавое ведро мягко опустилось на слегка влажный от человеческих испарений пол. Почувствовав запах съестного, «Силуэт» быстро разлил содержимое по глиняным плошкам и, закончив работу, дёрнул за верёвку. Мол, всё, можно поднимать. Ведро медленно поползло вверх. «Повезло сегодня, – думал человек, поднося плошку ко рту, – вчера забыли накормить. Или специально не стали. Что-то сосед совсем шевелиться перестал. Помер, что ли? Тогда новичку, считай повезло. Пожрёт. Если сможет».

От лежавшего неподвижно тела раздалась тихие звуки, лишь отдалённо напоминающие слова. «Силуэт», подавив в себе желание доесть варево без остатка, отодвинул плошку подальше и вновь придвинулся к новичку:

– Ты, братишка, говори погромче. Ни хрена не слышно.

Павел напряг слух, но сквозь шум в ушах пробился лишь клочот, напоминающий бульканье закипающей воды. Внезапно, он понял, что мысли в его голове обретают связность. «Надо

же? Почему я не могу проснуться? И почему так воняет? Наверное, мне надо просто пошевелить мизинцем, чтобы уйти из этого мерзкого кошмара». Пальцы отказывались подчиняться мозгу, и Павел решил отказаться от борьбы со сновидениями. «Силуэт» отвернулся от новичка и снова передвинулся на своё место. Взяв за руку соседа, он вслух подвёл неутешительный итог:

– Помер... Повезло человеку. Надо же? Три месяца вместе, а так и не рассказал откуда родом и как его зовут. Крепко они тебя лупцевали, дружище. – Укоризненно покачав головой, повернулся к Павлу. – Вот, ты спрашиваешь, мол, как он мог про себя рассказать, если по-нашему ни бельмеса не понимает? А я тебе так отвечу, захотел бы, научился говорить. И всё равно, повезло человеку. Спишь? Правильно. И мне надо поспать. Кто его знает, что им через часок в голову придёт? Меня-то за всё это время только три раза наружу и поднимали. Только радости от этого маловато. Ничем, кроме побоев, так и не угостили. Лепечут по-своему, а что говорят, не пойму. Ну, кроме одного. Слышь, ты, новичок? Они, похоже, мне имя своё дали. Теперь я – Махмуд. Правда, смешно? Вот и я говорю, обхохочешься! Ладно, посплю, тогда и договорим.

Павел открыл глаза и не увидел неба. Вместо голубоватого лоскута вверху зияла дыра. Он снова попробовал пошевелиться. Получилось, но вместо радости, Павел почувствовал, как липкий страх расплзается по всему телу. «Я не сплю, – мысли лихорадочно пронеслись в голове, – где я? Почему так воняет?». Попытавшись приподнять непослушное тело, он почувствовал сильную головную боль и, застонав, прекратил попытку. Совсем рядом раздался шорох и над ним склонилось существо, отдалённо напоминавшее человека. Существо прикоснулось ладонью к Пашкиному лбу и, довольно внятно, прошепелявило:

– Очнулся, братишка? А я думал, кранты тебе...

– Ты кто?

Существо окончательно превратилось в человека. Грязного, худого, обросшего длинными, давно нечёсаными волосами и жидкой бородкой. Человек удовлетворённо кивнул:

– Значит, точно пришёл в себя. Мы, братишка, в плену у духов. С нами ещё этот, нерусский был. Хадовец вроде... Но сегодня помер. Даже пожрать не успел. Нам повезёт, если духи мертвяка завтра наверх поднимут. Прошлый раз труп почти неделю лежал. Мы чуть не о...ли. Хотя худой был, одни кости. Вроде и гнить там нечему...

Павел с трудом приподнялся и опёрся спиной на стенку. Дождавшись, когда голова перестанет кружиться, задал, пожалуй, самый важный и одновременно самый глупый вопрос:

– Как я сюда попал?

Даже в сумраке было видно, как глаза человека на миг зажглись жалостью и каким-то злорадством:

– Я-то откуда знаю? Тебя дня два назад сюда сбросили. Или вчера? Не помню. Вернее, на верёвке опустили, – человек немного помолчал и зачем-то уточнил, – если бы они тебя сбросили, а не спустили, то ты бы и сам разбился и меня покалечил. Может даже до смерти. Это тюрьма ихняя, зинданом называется. Глубокая, зараза, метров пять в глубину... Видимо тебя крепко где-то долбануло. Наши тебя потеряли или бросили, а духи нашли. Теперь мы вместе. Вдвоём, то есть. Третьего можно не считать, он сегодня уже помер. Или я тебе уже говорил?

Павел снова почувствовал, как леденящий, всепоглощающий страх сковал его сердце. Ему захотелось завывать, но мозг не выдержал напряжения и Пашка потерял сознание.

Человек понимающе взглянул на нового товарища по несчастью:

– Вырубился бедолага. Может так оно и лучше. Дожру я его пайку. Всё равно не смог бы. Варят гниль всякую. Сразу и не привыкнешь, проблюёшься. Я долго не мог, целую неделю. Теперь могу. Ладно, доем и хадовца отодвину. Хотя куда его тут денешь? Места нет. Если завтра снова кого-нибудь изловят, то совсем тесно станет.

Глава 1. Семейные ценности

Елена Сергеевна поправила перед зеркалом причёску и перевела взгляд на домработницу, стоящую в дверях гостиной:

– Анюта, к обеду всё готово? Через полчаса приедет Юрий Алексеевич. Я хочу с ним серьёзно поговорить и поэтому прошу тебя как можно реже появляться у стола.

Домработница, слегка полноватая женщина лет пятидесяти с некрашеными седыми волосами и добрым лицом, кивнула и ответила привычными словами:

– Не сомневайтесь, Леночка Сергеевна! Стол накрыт, борщ томится в духовке. К приезду Юрия Алексеевича как раз поспеет. Графинчик тоже подавать?

Хозяйка махнула рукой:

– Нет. Сегодня обойдётся без своей «рюмашки». Разговор очень важный, не до расслаблений. У Павлика завтра выпускные экзамены начинаются, пора определяться с его будущим. Юрий слишком затянул с решением вопроса. Так нельзя. Кстати, где он?

Домработница удивлённо пожала плечами:

– Вы же сами сказали, что подъедет через полчаса...

Елена Сергеевна рассердилась:

– Аня, сколько можно? Пора бы привыкнуть за двадцать-то лет! Я не про мужа спрашиваю, а про Павлика.

Женщина смутилась:

– Извините, не поняла. Павлик звонил, сказал, что пообедает у Верочки. Они вместе к экзаменам готовятся.

Хозяйка против воли нахмурилась: «Готовятся! Как бы глупостей не натворили. Хотя Верочка и не самый плохой вариант, но рано им ещё отношениями заниматься». Пройдя в гостиную, опустилась в кресло и с подозрением посмотрела на прислугу:

– Ты уверена, что они действительно готовятся, а не шалостями занимаются? Возраст-то опасный, гормоны в полный голос...

Анна почувствовала себя виноватой. Она вырастила Павлика, и парень был для неё как сын. Тем более, что своих детей у неё не было. Так уж сложилась её жизнь. Немного помолчав, ответила честно:

– Кто ж его знает? Сама беспокоюсь. Спрашивала я у него, на честный ответ подводила, но разве парень будет на такие вопросы отвечать? Хотя, какой он ещё «парень»? Мальчонка...

Елена Сергеевна снова нахмурилась:

– Аня! Ты же знаешь, что я не люблю подобный лексикон. Иди, открывай. Юрий Алексеевич приехал...

Глава семьи Коробовых принадлежал к числу партийной номенклатуры. Притом очень высокого ранга. Так уж случилось, что студентке Леночке ещё на первом курсе института приглянулся статный красавец-спортсмен Юра, учившийся с ней в одной группе. Её даже не смутило пролетарское происхождение одногруппника. Наверное, это и называется любовью с первого взгляда. К удивлению девушки, отец, неведомо как узнавший об увлечении дочери, одобрил её выбор и сделал это эффектно, в излюбленной манере:

– Это даже хорошо, что парень из глубинки, – сказал он внезапно за обедом, – мы ему поможем после института перейти на партработу. Пусть только учится хорошо и дурака не валяет. Ты его пригласи как-нибудь в гости. Я с ним пообщаюсь. Если только у вас и в самом деле всё серьёзно.

Лена была послушной дочерью и довольно практичной девушкой. Воспитанная в семье потомственных партийцев, она понимала, что отец уже продумал её будущее и даже не собиралась отстаивать своё право на самоопределение. Это в фильмах про молодёжь, девушки строят мосты и новые города, а в жизни всё не так. В жизни каждый вращается в своём, этой самой жизнью определённом круге. Леночка это знала и не собиралась отступать от давно сложившихся правил. Встреча будущих тестя и зятя состоялась через три недели, сразу по возвраще-

нию отца из командировки в Москву, где он представлял свою область на партийном съезде. Разговор юноши и крупного партработника проходил с глаза на глаз и длился почти три часа. Мужчины расстались вполне довольные друг другом. Провожая гостя до дверей, Сергей Иванович, уже в присутствии жены и дочери, вполне по-отечески напутствовал молодого человека:

– Ты, Юра, время не тьяни. Твоя ближайшая задача стать комсомольским вожаком группы. Считай, что это твой главный экзамен. На этом этапе естественно. Если справишься и не будешь ваньку валять, то остальное я беру на себя. И дочь не обижай. За Ленку голову оторву. Договорились?

Юрий оказался умным парнем и уже через неделю смог организовать перевыборы секретаря. Действовал он решительно, но осторожно и с помощью Лены попросту спровоцировал девушку-секретаря на неосторожный поступок. Никто из его товарищей и подумать не мог, что он способен на тихую подлость, поэтому практически вся группа отдала свои голоса за его кандидатуру. Вся, кроме Леночки. Она демонстративно проголосовала «против». Впрочем, это событие скоро забылось, так как у ребят хватало своих забот и проблем. Юрий не афишировал свои отношения с Леной. И это была уже её придумка. А может папа посоветовал? Кто знает...

Карьера комсомольского вожака стремительно пошла на взлёт. Как и учёба. Юрий уверенно шёл на золотую медаль не особо напрягаясь в учёбе. Всё, что требовалось от молодёжного лидера – это присутствие на занятиях. А должность уже сама обеспечивала отличные оценки в зачётке. На четвёртом курсе он уже возглавил институтскую организацию и был снова приглашён в гости для серьёзного разговора.

– Молодец. Справился. – Будущий тесть смотрел на парня если не с уважением, то с явным одобрением. – Вам с Леной пора узаконить свои отношения. Я уже дал команду, завтра тебя вызовут в партком института и предложат подать заявление в партию. В такой ситуации семейное положение имеет большое значение. Ты готов вступить в ряды КПСС?

Юра поднялся со стула и почему-то ответил лозунгом юных ленинцев:

– Всегда готов!

Жизнь сложилась. Правда, семье Коробовых пришлось помотаться по Союзу, но здесь ничего не поделаешь. Партийный долг превыше всего. Вот уже десять лет, как Юрий Алексеевич являлся членом бюро обкома и не собирался останавливаться на достигнутом. Благо тесть, несмотря на преклонный возраст, давно осел в Москве, где руководил очень важным отделом ЦК КПСС. С Еленой Сергеевной сложились ровные отношения. Любовь, как и положено, пройдя все придуманные психологами стадии, переросла в «дружбу» со значительной примесью «служения». Впрочем, Юрий Алексеевич подозревал, что до супруги доходят слухи о его похождениях на стороне, но она никогда не опускалась до выяснения отношений, и такое положение дел вполне устраивало обоим. Жена после окончания института нигде и никогда не работала, взяв на себя роль советника в карьерных делах мужа. Конечно, случались и проблемы. Леночка долго не могла забеременеть, и Павел появился на свет, когда родители уже потеряли всякую надежду. Мальчик был поздним, даже неожиданным ребёнком, и поэтому прозвище Баловень, которым его ещё в детстве шутки ради наградила няня-домохозяйка Анюта, накрепко закрепилось за ним. И вот сегодня, по решению Елены Сергеевны, они с мужем должны определить будущее сына. Так, как много лет назад её судьбу определял Сергей Иванович, отец и тесть в одном лице.

Юрий Алексеевич вошёл в гостиную, как и положено человеку, обременённому задачами государственного масштаба. Вид у него был слегка уставший, но глаза по-прежнему излучали свет, от которого когда-то дрогнуло сердце Леночки. Приветливо кивнув домработнице, он, согласно устоявшемуся ритуалу, поцеловал супругу в щёку и комично втянул в лёгкие ароматы домашнего обеда. Внезапно почувствовав напряжение, исходящее от обеих женщин, Юрий Алексеевич встревоженно спросил:

– Что-то случилось? С Пашкой?

Елена Сергеевна недовольно осадила мужа:

– Юрий Алексеевич, сколько раз мне нужно напоминать, что бы ты не называл сына дворовыми кличками? – увидев, что глаза супруга начали темнеть, изменила тон, – нет, с Павликом всё в порядке. Он у Верочки. Они готовятся к экзаменам.

Хозяин буркнул, усаживаясь за стол:

– Готовятся... Как бы они нас с тобой раньше времени не осчастливили. Возраст-то опасный, гормоны и всё такое...

Домработница было встrepенулась, но Елена Сергеевна, остановив прислугу еле заметным жестом, взяла инициативу в свои руки:

– О чём ты говоришь? Верочка, хорошая девочка, отличница, комсомолка, в конце концов...

Юрий Алексеевич не привык спорить с женой, но удержаться всё-таки не смог:

– Ну да. Комсомолка, спортсменка и просто красавица... Всё как в той комедии.

Женщина решила прекратить разговор на столь опасную тему. Тем более, что он абсолютно не вписывался в её планы. Многозначительно взглянув на Анну, миролюбиво предложила:

– Юрий Алексеевич, давай поставим здесь точку. У нас есть более серьёзная тема для обсуждения.

Муж с любопытством взглянул на супругу:

– Интересно, а что может быть серьёзнее разговора о моральном облике Павла?

– Перестань. Очень тебя прошу. Мы можем обсудить эту проблему чуть позже. После того, как решим, куда Павлик будет подавать документы после окончания школы.

Юрий Алексеевич отложил только что взятый столовый прибор и с картинным раскаянием провозгласил:

– Совсем забыл! Заморочили мне голову своими «верочками». – Вернув лицу серьёзное выражение, продолжил обычным голосом. – Есть возможность Пашке поступить в МГИМО. Гарантия стопроцентная. Борис Николаевич обещал поговорить, слово сдержал и уже договорился. Москва не возражает и готова выделить одно место для нашей области.

Взглянув на супругу в расчёте увидеть восторг в её глазах, Юрий Алексеевич чуть не крикнул с досады. Вместо ожидаемой благодарности он увидел, как помрачнело лицо Елены:

– Что случилось? Ты меня не расслышала?

– Я тебя услышала и поняла, что ты не собираешься участвовать в судьбе сына.

И всё-таки ему не удалось сдержать тот самый «крик». Немного смутившись, он тут же взял себя в руки:

– Может, объяснишь мне, тёмному человеку, почему самый престижный и закрытый ВУЗ СССР не является свидетельством моего искреннего, повторяю, искреннего участия в судьбе Пашки? Просвети...

Елена Сергеевна, поняв, что сильно переборщила с упрёками, резко изменила тональность голоса. Продолжая опираться запястьями на край стола, она слегка наклонилась над ним:

– Подумай сам. Если мы отправим Павлика в столицу, то не сможем контролировать его. А характер у нашего с тобою сына... ну, ты сам знаешь, сколько раз нам приходилось вмешиваться чтобы вытащить его из неприятностей. И это в школе! А что будет в Москве, когда он почувствует свободу и прелести столичной жизни? Где гарантия, что он закончит институт? – Чуть слышно переведя дыхание, женщина вновь приняла соответствующую этикету позу. – Допустим, повторяю – допустим, что Павел сможет удержать себя в рамках и закончит МГИМО. Допустим, что даже с отличием. И кем он станет? Каким-нибудь пятнадцатым помощником двадцать первого референта в забытой богом Замбии? Ну, навезёт он импортных шмоток и аппаратуры, и что? И всё? Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы твой сын стал смехотворным подобием дипработника и всю жизнь прозябал на десятых ролях? Дипломат про-

фессия практически династическая, а Сергей Иванович, к сожалению, не вечен и не сможет обеспечить надлежащую поддержку внуку. Или ты не согласен со мной?

Юрию Алексеевичу иногда приходилось выслушивать подобные выволочки от супруги. И если поначалу он возмущался такими вспышками, то со временем понял, что Елена практически всегда оказывалась права. Вот и сейчас ему хватило лишь одной минуты, чтобы признать справедливость её слов. Откинувшись на спинку стула, кивнул, соглашаясь с доводами:

– Продолжай...

Елена Сергеевна вполне оценила реакцию мужа. Окончательно успокоившись, она продолжила почти шёпотом:

– Мы не сможем гарантировать Павлу достойное будущее, если отправим его в Москву. Он должен поступать дома. Или в наш университет, или в политех. Специальность здесь не будет иметь значения, главное – диплом с отличием. Конечно, нам надо будет подобрать факультет с наибольшим количеством соискателей на место. Так будет гораздо солидней и надёжней.

Юрий Алексеевич непроизвольно рассмеялся:

– Ну а дальше по обкатанной и уже отработанной схеме?

Супруга не поддержала веселье мужа. Снова наклонившись над столом, она ответила со всей серьёзностью:

– Ты прав. Как всегда. Наша задача вовремя перевести его на партийную работу. Сам знаешь. Ничто не вечно под луной, кроме учения Маркса и власти КПСС. И это не шутка, это – серьёзная карьера политика. Ну и отец, конечно же, поможет. Здоровье и должность пока позволяют. Кстати, он одобрил такую стратегию.

Лицо супруга слегка помрачнело:

– Это он тебе присоветовал?

– Нет. Он просто согласился.

Юрий Алексеевич, зная, что вызовет раздражение Елены Сергеевны, забарабанил пальцами по столу. Немного помолчав, подвёл итог:

– Он согласился, а я утвердил твою «стратегию». Считай, что твой документ завизирован.

Женщина, вопреки ожиданиям мужа, улыбнулась и уже мягким голосом задала вопрос:

– Ты подумал, что мы подарим сыну на окончание школы?

– Да. Мне вручили, уж не упомню по какому поводу, отличные швейцарские часы в корпусе из белого золота. Дорогущая штука, надо сказать, а в глаза не бросаются. Отличный подарок. Окончит первый курс, подарим ему новую модель «Жигулей». До «Волги» он ещё не дорос. Да и ни к чему это молодому парню. Старпёрская машина.

Глава 2. На пороге взрослой жизни. Перед выпускным

Пашка вышел из подъезда цеховского дома и, с удовольствием втянув в себя июньский воздух, посмотрел на часы, приятно оттягивающие левую руку. Сегодня утром родители вручили ему этот подарок в знак окончания школы. «Ты не смотри, что выглядят они скромно, – сказал отец, глядя в глаза сына, – дорогущий механизм, швейцарская работа. Корпус из белого золота, чтобы в глаза не бросалось. Мы с матерью специально именно такую модель для тебя заказывали. И год окончания тобой школы – 1984. Красиво получилось. Просто и красиво». И хотя Юрий Алексеевич наперёд знал, что кроме невнятного бурчания, не дожждётся от наследника других проявлений благодарности, его неприятно задела реакция Павла. Тот с невозмутимым видом принял из рук матери кожаную коробочку и тут же сунул её в карман джинсов. Правда, родители не знали, что едва за Пашкой закрылась дверь их квартиры, он, завернув за лифт, тут же извлёк подарок и с удовольствием надел часы на запястье. «Вот она, почти взрослая жизнь! – думал парень, шагая в направлении центрального парка, – завтра выпускной и прощай школа!». Отличное настроение распирало грудь, а великолепное летнее утро усили-

вало ощущение необъятной свободы и необъяснимого счастья. Вчера вечером Елена Сергеевна объявила ему решение семейного совета, которое заочно делало Пашку абитуриентом местного университета, и была несколько расстроена абсолютно безразличным согласием сына. Павел лишь пожал плечами и, буркнув под нос короткое «ладно», прошёл в свою комнату. Елена Сергеевна почему-то с укоризной посмотрела на домработницу:

– Хоть бы возмутился, возразил что ли... Вроде бы и хорошо, что принял как должное, а у меня на душе осадок.

Анна вступилась за юношу:

– И слава Богу, Лена Сергеевна! Другие детки скандалы закатывают и всем недовольны. И всё-то им не так. А наш всё принял как надо. Мужчина растёт!

После таких слов доморощенной адвокатессы хозяйке ничего не оставалось, как только молча согласиться с её доводами. Тихо вздохнув, Елена Сергеевна подошла к телефону, чтобы сообщить мужу о результатах односторонних переговоров с сыном.

Павлу и в самом деле было всё равно, куда поступать по окончании школы и какие науки изучать в ВУЗе. Ему легко давалась учебная программа и свой аттестат, с довольно высоким средним баллом, он получил вполне заслуженно. Просто ни один предмет не вызывал у него интереса. Он бредил боксом и каратэ. Все стены его комнаты были украшены фотографиями Брюса Ли, Сталлоне, Арнольда и Мухаммеда Али. Причём это были не самопальные снимки, а самые настоящие постеры, которые для него привозили из зарубежных командировок подчинённые отца. Заграничные картинки буквально сводили с ума одноклассников, вызывая у них чувство острой зависти. Смеха ради Павел посредине своей галереи разместил афишу «Пиратов XX века», как бы подчёркивая своё равнодушие к импортной атрибутике. Впрочем, с боксом у него не сложилось. После четырёхлетних занятий в секции он был изгнан из спортзала за невероятную жестокость к сопернику. Выпроваживая парня, тренер сказал на прощание: «Павел, ты талантливый боксёр и у тебя было бы будущее отличного спортсмена, если бы ты выступал на профессиональном ринге. Твоя беда в том, что Советском Союзе нет профессионального бокса. Вообще нет такой профессии, как спортсмен. Тебе надо поискать себя на другом поприще. Ступай. Да! Даже и не думай подключать своего папашу. Не поможет. Ты меня знаешь». Пашка и не думал просить помощи у отца. Просто на выходе он так врезал по стеклянной табличке с названием секции, что та разлетелась на сотни мелких осколков. На память. Другое дело – каратэ. Это в спальных районах областного центра милиция гоняла неформалов, а в подвале цеховского дома в центре города был оборудован вполне легальный спортзал с тренажёрами и настоящими татами. В нём под руководством тренера-азиата занималась молодёжь другого социального слоя. Впрочем, сейчас Павлу было не до воспоминаний о своих спортивных достижениях и неудачах. Войдя через правую арку центральных ворот парка, он направился к памятнику поэта, чьё имя носило городское культурно-просветительское учреждение. Присев на скамейку, стоящую в стороне от тротуаров, парень ещё раз взглянул на часы и с удовольствием расправил плечи. «Верка придёт не раньше, чем через полчаса. Тоже мне! Взяла в моду опаздывать, – мысли текли медленней, чем секундная стрелка дорогих часов, – сейчас бы пару затяжек травкой. Для бодрости». Нет, Пашка, в отличие от большинства одноклассников, никогда не курил и не злоупотреблял алкоголем. И не потому, что боялся родительского гнева, просто ему не нравились послевкусие табака и похмельное состояние, которое ему пару раз довелось испытать. Другое дело – травка. Зачем отказывать себе в небольшом косячке качественной южанки, если после него поднимается настроение, а мысли становятся чёткими и ясными? Тем более, что среди его сотоварищей по подвальному спортзалу и квартирным вечеринкам травка считалась неким символом принадлежности к интеллектуальной элите молодёжи. Вера знала про его грешок и не одобряла, хотя особо и не настаивала на отказе. Юноша, подавив зевету, ещё раз взглянул на часы, но не успел даже сориентироваться во времени, как над его головой нависла тень и раздался насмешливый голос:

– Смотри-ка, Эдик, какие котлы у малолетки. Наверное, предки на окончание школы подарили? Не жмут?

Пашка поднял голову. Прямо перед ним стояли два молодых человека, которые улыбаясь одинаковыми улыбками, с издёвкой смотрели на него. Затем оба, как по команде, уперлись ногами в скамейку, как бы перекрывая возможные пути для бегства. Они не сомневались в своём превосходстве и им хотелось вдоволь поглумиться над школьником:

– Мальчик, наверное, девочку ждёт? Ну, что? Посмотрим на девочку?

– А чего смотреть? Мы и проверить можем, девочка ли она? Мальчик ведь не будет возражать?

«Нет, ребята не с Уралмаша. Не гопники. Одеты по фирме, да и разговор не пролетарский, – думал Павел, чувствуя, как кровь закипает злобой, – скорее всего из фарцы или какой другой тусовки. Чего привязались? Шли бы себе, куда шли. Верка вот-вот подойдёт, а здесь эти козлы!». Парни были лет на пять постарше Пашки и уже успели, что называется, заматереть. Один из них, очевидно главный заводила, даже отпустил усы. Наверное, для того чтобы выглядеть взрослее и мужественней. Второй, Эдик, с укоризной взглянув на сидящего, сказал деланно-ломанным голосом:

– Вы, молодой человек, очевидно тупы, раз не понимаете столь откровенных намёков, – придав взгляду суровость, продолжил уже властным тоном, – котлы снимай, тебе говорят! Рано ещё «швейцарию» носить. Не дорос. А нам в самый раз. Завтра мой день рождения. Часы и девочка! Лучших подарков у меня ещё не было.

Эдик протянул руку и приглашающе пошевелил пальцами, клади, мол часы на ладонь. Впоследствии Пашка так и не смог вспомнить, кого он ударил первым, усатого лидера или именинника Эдика. Ещё он помнил, как от его ударов отлетали тела двадцатилетних мужчин и как Эдик вытирал окровавленный рот белоснежной майкой с ярким принтом, а усатый на карачках пытался скрыться в кустарнике. Наверное, Павлу здорово повезло, что наряд милиции подъехал очень быстро, ещё до прихода Веры. Иначе здоровью великовозрастных оболтусов был бы причинён гораздо больший ущерб, а его жизнь сложилась совсем иначе, чем планировали родители. Ну а Вере оставалось лишь проводить глазами отъезжающий от памятника бело-голубой «УАЗик», который вёз выпускника школы в районное отделение милиции. Решительно тряхнув головой, девушка направилась к зданию администрации парка, чтобы по телефону сообщить Елене Сергеевне о происшествии.

Глава 3. На пороге взрослой жизни. Короткие сценки

Начальник отделения милиции в сердцах ударил кулаком по столу. Стоящий перед ним дознаватель побледнел и вытянулся в струнку. Майор откинулся на спинку кресла и, едва сдерживая гнев, проговорил сдавленным голосом:

– Ты в своём уме, старлей? Ты что несёшь? Или ты не в курсе, чей это сынок?

Офицер неуклюже потоптался на месте и неуверенно ответил:

– Знаю, товарищ майор! Но потерпевшие написали заявления и зафиксировали побои. Они утверждают, что гражданин Коробов сначала оскорблял их, а затем напал и зверски избил. И в конце концов, их родители – ответственные работники горисполкома! – секунду подумав, ляпнул не к месту, – вы меня сами учили, что перед законом все равны.

Майор закатил глаза и тихо взмолился:

– Господи! Скажи мне: ну почему ты присылаешь ко мне таких дол...бов? – опустив взгляд на подчинённого, продолжил, – ты сам себя слышишь? Семнадцатилетний пацан, не обкуренный, не пьяный, ни с того ни с сего полез в драку на двух взрослых парней? Что говорит сам «гражданин» Коробов?

Дознаватель пожал плечами:

– Ничего. Молчит. Вообще не сказал ни одного слова. Получается, что он отказывается сотрудничать с органами дознания. А в этом случае...

Начальник перебил старшего лейтенанта:

– Хватит нести ахинею! Молчит, значит мараться об тебя не хочет! – слегка навалившись на край стола, с жалостью посмотрел на офицера, – я бы на его месте тоже не стал сотрудничать с таким «спецом» как ты. Это ж надо? Игнорировать очевидные вещи..., ты бы хоть иногда мозги включал. Нашёлся мне, Штирлиц!

Дознаватель не на шутку обиделся:

– При чём здесь Штирлиц?

Майор снова начал заводиться:

– Я не знаю, при чём здесь Штирлиц! Я знаю одно: Первый скоро уйдёт в Москву на повышение, а старший Коробов – главный кандидат на его место. На хрена мне проблемы по партийной линии? Тем более, что парнишка прав. Эти мерзавцы, скорее всего сами к нему пристали. Не знали, что паренёк непростой. Вот и получили. И по зубам, и по заслугам.

Он успокоился и поднялся из-за стола. Подойдя к окну, сказал, не оборачиваясь к подчинённому:

– Короче, решай вопрос с этими ублюдками. Они должны забрать заявления. Будут артачиться, закрой их на пару суток. Пусть посидят, подумают. А для верности, подсади к ним урок. Вместе легче думаться будет. А пацана отпусти. Сейчас отпусти. Ты понял меня? – Немного помолчав, подвёл итог разговору. – Прав ты, старлей. Перед законом все равны: и горисполкомовские детки, и детки партийных бонз. Тут главное верное решение найти. И мы с тобой его нашли. Свободен!

Старший лейтенант вышел на крыльцо и, закулив сигарету, подумал: «Повезло парню. Не будь он родственником такой шишки, майор и слова бы не сказал. И всё-таки, почему именно Штирлиц?». Выкинув окурочек в урну, направился в свой кабинет решать свалившиеся на него проблемы.

Первый секретарь обкома партии смеялся от души. Успокоившись, он взглянул на Коробова-старшего:

– Так, значит, говоришь, что твой семнадцатилетний сопляк двух бугаев отделал?

В глазах Юрия Алексеевича мелькнула искорка непроизвольной гордости:

– Я вообще-то его не так воспитывал. Учил, чтобы он мирно конфликты решал. Тем более, что боксёр и каратист. Я поговорю с ним. Обещаю, для него эта выходка без последствий не останется.

Первый покачал головой:

– Обязательно поговори. Только палку не перегибай. Себя в юности вспомни. А повод был? Или так, развлечения ради? Молодёжь, сам знаешь какая пошла.

Коробов сокрушённо вздохнул:

– Сын молчит. Надулся и ни в какую. Дознаватель молодец. Как говорится, расколол одного из парней. Рассказал, что они якобы в шутку часы у Павла попросили, а тот отказал. Слово за слово, ну и дело до потасовки дошло. Проблема в другом: оба оказались сыновьями ответственных работников нашего горисполкома.

Руководитель ответил решительно, с железной ноткой в голосе:

– Нет здесь проблемы. Пойдёшь к себе передай референту, чтобы на вечер вызвал ко мне обоих папаш. Время не уточняй. Освобожусь, потолкую с ними о проблемах воспитания подрастающего поколения. Я им кузькину мать устрою. Мало не покажется.

– Я вам больше не нужен?

– Иди, работай. Сыну привет от меня передай. Скажи, что уважаю.

Мужчины стояли перед Первым секретарём, синхронно переминаясь с ноги на ногу. Они ждали приёма около трёх часов и усталость, помноженная на неизвестность, окончательно

лишила их способности аргументированно отвечать на неудобные вопросы. Впрочем, партийному руководителю и не требовались их ответы. Навалившись грудью на стол, он говорил исключительно на повышенных тонах:

– Вы отдаёте себе отчёт в том, что натворили ваши отпрыски?! Отпрыски. У меня язык не поворачивается назвать их, другими словами. Сегодня, когда партия всерьёз озабочена преобразованием системы управления страной и народным хозяйством, рассчитывая на энергию молодёжи, вы воспитали уголовников. Это как понимать, товарищи? Саботаж? Или откровенный пох...зм?

Один из распекаемых решился на ответ:

– Мне доложили, что молодой человек сам...

Первый секретарь резко оборвал говорившего:

– Тебе «доложили»? Да кто ты такой, чтобы тебе докладывать? Я поручу разобраться, какого цвета у тебя партбилет. – Ему вдруг стало скучно. Побарабанив пальцами по столешнице, продолжил уже спокойно. – Не хочется сор из избы выносить. В ЦК от смеха умрут, если узнают, что два исполкомовских недоросля были поколочены сыном ответственного партработника. Вот что. Отправляйте своих долб...ов к бабушкам и дедушкам. На месяц. Улаживайте вопрос с институтским начальством и пусть уматывают. Считайте, что вам сегодня крупно повезло. Свободны!

Мужчины спустились по лестнице и инстинктивно повернули головы друг к другу.

– Пойдем, Владимир Геннадьевич, пропустим по маленькой? Ты как, не против?

– Не против. Пожалуй, здесь маленькой не обойдёшься. Интересно, а Первый действительно устроит разборки?

– Нет. Ему не нужен скандал. Первому скоро в Москву, на повышение...

Пашку выпустили через два часа после задержания. Получив у дежурного личные вещи, он расписался в каком-то документе и вышел на улицу. С удовольствием вздохнув хорошую порцию свежего воздуха, взглянул на часы, которые не успел надеть на запястье. До выпускного вечера оставалось ещё уйма времени. «Жалко, что с Верой не удалось пообщаться. Это она, наверное, сообщила отцу про ментов. – Думал он, неспешно направляясь к дому. – Мать скорее всего истерику закатит. Как же, сын партработника драку в парке устроил! Ладно, потерплю. Предков можно понять». К его удивлению, Елена Сергеевна не стала читать ему нравоучений. Встретив сына в прихожей, она, мельком взглянув на настенные часы, сказала обычным голосом:

– Павел! Где ты шатался? Тебе ещё костюм надо примерить. Если брюки будут длинноваты, то Анюта их подошьёт.

«Наверное, она ещё не знает про драку и ментов, – думал парень, направляясь в свою комнату, – это хорошо, а то бы сейчас началось!» Мать как будто услышала его мысли:

– Я знаю про всё, что с тобой случилось. Знаю, что ты не виноват. Но я так же знаю, что всегда можно решить проблему не распуская кулаков. Ладно, не время сейчас. Потом переговорим. После выпускного.

Верочка училась в другой школе. На предложение Пашки провести вечер вместе, она ответила категорическим отказом: «Почему я должна отмечать окончание не у себя, а в твоей школе? Это неправильно. Давай проведём вечер со своими одноклассниками». Этот разговор состоялся три дня назад, и Павел не оставлял надежды уговорить подругу. Они встретились у памятника С.М. Кирову. Девушка была одета в скромное светлых тонов платье, которое подчёркивало её стройную фигуру. Павел почувствовал, как заколотилось его сердце. Стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, он протянул Вере маленький букетик фиалок. Она благодарно улыбнулась:

– Спасибо. Красивые.

- Это «анютины глазки». Я их на газоне перед домом нарвал.
- Приключений не хватает? Ищешь на свою голову. Тебе милиции мало? Теперь с дворником решил подраться?
- Пашка слегка улыбнулся:
- Там всё в порядке. Спасибо тебе.
- За что?
- Сама знаешь.
- Свидание длилось уже полчаса. Прощаясь, Вера спросила:
- Ты всё-таки определился с институтом? Или будешь до последнего тянуть?
- Пашка равнодушно кивнул:
- Ага. Предки определились с универом. Здесь остаюсь. А ты?
- Глаза подруги вспыхнули счастьем:
- Папе удалось пробить для меня место в МГИМО! Представляешь? Я буду учиться на дипломата! Одно место на область было.

Глава 4. Большая беда. Единственный выход

Коробов-старший не сдержал своего слова. Впрочем, его можно было понять: обкому партии выделили несколько седьмых «Жигулей», и он не смог удержаться от соблазна. Вернувшись домой после работы, Юрий Алексеевич, выдержав театральную паузу, положил перед сыном два комплекта ключей от автомобиля. Елена Сергеевна и Пашка одновременно подняли удивлённые глаза на главу семейства. Тот с лёгким смущением улыбнулся и сказал, обращаясь к супруге:

– Ну да! Не смог себя перебороть. Совершенно случайно зашёл в гараж, а там стоят новенькие «жигулята». От них так пахло свежей краской, что у меня в голове помутилось. Честное слово, я не виноват! – заметив, что жену не трогает его скоморошничество, чуть повысил голос, – я всё-таки мужчина. А значит, любовь к автомобилям у меня заложена на генетическом уровне.

Жена и сын продолжали молчать. В просторной гостиной повисла тишина. Юрий Алексеевич почувствовал, как из глубин души поднимается раздражение, круто замешанное на негодовании. Стараясь сдержать это чувство, не к месту прибавил:

– Я выбрал «семёрку» вишнёвого цвета...

Первой опомнилась супруга. Положив столовый прибор на белоснежную салфетку, она слегка повернула голову в сторону кухни:

– Анюта! Можно подавать ужин. Юрий Алексеевич проголодался. – вернув голову в исходное положение, взглянула в глаза мужа. – Мы же хотели подарить Павлику машину на окончание первого курса? И если мне не изменяет память, то должны были выбирать вместе. Ты и я.

Муж решил не нагнетать обстановку:

– Виноват. Каюсь. Готов к самому строгому взысканию! – переведя взгляд на сына, спросил с надеждой в голосе, – Пашка! Ты-то хоть рад?

Павлу вдруг захотелось поддержать отца. Честно говоря, он ещё и сам не понял, обрадовал ли его такой, поистине царский подарок, или оставил равнодушным. Однако парень уже давно заметил некую натянутость в отношениях родителей, и потому решил не усугублять ситуацию:

– Конечно, папа! «Семёрка» – это же просто ураган! Почти «Мерседес». Когда можно будет взглянуть на аппарат?

Юрий Алексеевич искренне обрадовался словам сына:

– Завтра после занятий приезжай к обкому, и мы вместе пойдём в гараж. Мастера уже сделали протяжку, поменяли масло, обработали днище и всё проверили. Короче, довели твой «аппарат» до ума. Считай, что это подарок за успешное окончание первого семестра.

– Спасибо, папа! С нетерпением буду ждать конца занятий.

Как и в школе, Пашке легко давались университетские дисциплины. Не то чтобы он схватывал всё на лету, но ему было достаточно после лекции бегло перечитать материал и мог он спокойно идти на любые экзамены или зачёты. Впрочем, педагоги, зная какую должность занимает в обкоме его отец, не очень досаждали парню дополнительными вопросами. Возможно всё это и повлияло на отношение Павла и к учёбе, и к жизни вообще. Он тесно сошёлся с однокурсниками, которые благодаря своим родителям или связям, причисляли себя к элите общества и вели богемный образ жизни, направо и налево соря деньгами. Нет, он старался не пропускать лекции и мероприятия общественной жизни. Успешно завершив первый семестр, парень был на хорошем счету у педагогов, тем более что он являлся членом комитета комсомола. Но настоящая жизнь наступала уже после занятий и скучных комитетских заседаний. За полгода студенческой жизни Павел и его новые друзья стали завсегдатаями всех знаковых ресторанов, баров и дискотек города. А теперь, когда родители подарили ему автомобиль, возможностей оторваться с компанией стало ещё больше.

Занятия подходили к концу, и Пашка уже стал размышлять, чем заполнить остаток дня. Дилемма непростая: ему надо было сделать выбор между спортзалом и очередным походом в ресторан. Куда идти, в «Океан» или в «Старую крепость», парню было безразлично. Для компании везде и всегда находился свободный столик. «Давно не был в «качалке», – думал он, рассеяно глядя на преподавателя, – тренер наверное уже и забыл, как я выгляжу. Да и мышцы надо бы подкачать. С этой учёбой и дискотеками совсем себя запустил! Нет, пойду в подвал. Пора себя в порядок привести». Павел вздохнул с облегчением, но в этот момент его слегка подтолкнул Олег, сосед по скамье и признанный лидер компании.

– Чего тебе? – недовольно буркнул Пашка.

– Мне щас Тоха записку подкинул. К себе приглашает. Ему предок из Венгрии новый диск Металлики прислал, «Ride the Lightning» называется. Убойная вещь, я тебе скажу. Ну как? Забацаем квартирничек?

Павел отрицательно покачал головой:

– Нет. Я сегодня в качалку собрался. Надо мышцу подтянуть...

Олег горячо зашептал прямо в ухо:

– У тебя чо, крыша поехала? Это тебе не какой-нибудь колхоз, типа «Бумеранга», а настоящий забой! Решай! У Тохи предки до сих пор в Венгрии. А вискаря с джином, хоть залейся. Полный сервант. Девчонок пригласим. Давай, Короб, думай. У него и травка есть. Кайфанём не по-детски...

Преподаватель оторвал голову от лекционных материалов и сурово бросил в глубь аудитории:

– Прекратите болтовню, Коровин! Забыли, что скоро семинар по этой теме? Или «хвостов» не хватает? Так я вам ещё один пришью...

Зал буквально взорвался от студенческого смеха. Кто-то громко съязвил:

– Корова с двумя хвостами! Да ты так в мутанта превратишься, Олечка!

Олег покраснел и, приподнявшись, слегка повернул голову вправо:

– На себя посмотри. Урод!

Преподаватель хотел было уточнить, кому именно предназначался столь яркий эпитет, но, взглянув на часы, закончил лекцию на волне неопределённости. Ему просто не нужны были неприятности. Коровин-то не из простых будет.

Квартирник удался вполне. Японская аудиосистема воспроизводила запись супер-группы во всех нюансах трэш-метала. В воздухе витал терпкий запах каннабиса, а на низ-

ком столе громоздилась батарея пустых и недопитых бутылок крепкого импортного алкоголя. Юные организмы первокурсников, не выдержав ударных доз, отказывались подчиняться своим хозяевам. Студентов, как говорится, развезло и половина компании просто уснула там, где выключился тот самый «тумблер». Пашка, не любивший послевкусия горячительных напитков, не смог устоять перед настойчивыми предложениями и насмешками. Выпив стопку изумрудно-зелёного абсента, он стал налегать на травку и в конце концов, дурь крепко ударила ему в голову. Парень совсем потерял ощущение времени, да и с ориентацией в пространстве у него были серьёзные проблемы. Его растолкал Тоха, хозяин вечеринки. С трудом подыскивая нужные слова, он всё же смог обрисовать товарищу ситуацию:

– Блин! Короб, представляешь? Все ужрались до положения... забыл! Это не беда. Облевали все углы. Это тоже по...й... Плохо, что завтра придёт домработница, а здесь полный п...ц! Ну и хрен с ней... забыл, как её зовут... У меня ночевать всем нельзя. Не помещаются все... Ты отвези Натаху и Ольку домой. Они в одном доме живут, где-то рядом с твоей цековкой. Только до квартир доведи... сначала одну, потом Натаху. Или наоборот... сам думай. Ты здоровый как лосяра... и не пил совсем. Почти... Выручай, а?

Пашка, абсолютно утратив чувство опасности, согласно кивнул и с трудом поднялся из кресла:

– Поможешь девчонок в тачку посадить?

Хозяин глупо улыбнулся:

– Яволь, мой хер! Блин! Я по-немецки могу... сечёшь?

Павел абсолютно не боялся гаишников. Они почему-то никогда его не останавливали. То ли и впрямь существовали некие тайные списки неприкасаемых, то ли потому, что он ездил, стараясь лишний раз не нарушать правила. Да и управлял парень автомобилем достаточно уверенно для своего небольшого водительского стажа. И сегодня он рассчитывал без проблем доставить нетрезвых девчонок домой. Больше половины пути Пашка проехал, вполне контролируя свои действия, и поэтому позволил себе слегка расслабиться, опрометчиво подумав, что дурман уже выветрился из головы. Это стало той роковой ошибкой, которая круто изменила его судьбу. Он не учёл коварство смеси «индики» и «сативы». Сон накрыл его именно в тот момент, когда Павел притопил педаль акселератора. Очнулся он от сильного удара и грохота рассыпающегося лобового стекла. Открыв глаза, парень увидел искажённое болью лицо мужчины, лежавшего на капоте его «Жигулей».

Елена Сергеевна подняла заплаканное лицо на мужа. Её глаза зажглись плохо скрываемой злобой. Взяв трясущейся рукой стакан с разбавленной валерианой, она сделала маленький глоток и, слегка откашлявшись, сказала механическим голосом:

– Это ты во всём виноват! Ненавижу тебя! – женщина оставила стакан на столе и положила ладонь под левую грудь, – ты и в самом деле думаешь, что я не знаю о твоих изменах? Я терпела все твои похождения ради единственного сына. Моего мальчика. А теперь его посадят...

Юрий Алексеевич отвёл глаза в сторону. Он понимал, что сейчас ему надо молча выслушать супругу, дав ей излить весь негатив, накопленный за годы совместной жизни. Понимал, но не удержался и глупо спросил:

– У тебя плохо с сердцем? Давай я вызову скорую?

Елену Сергеевну прорвало. Она потом не могла вспомнить и десятой доли тех упрёков, которыми, совершенно не стесняясь присутствия домработницы, осыпала съёжившегося мужа. Прошло не менее пяти минут, прежде чем женщина смогла успокоиться. Вытерев ладонью губы, взглянула на растерянную Анюту:

– Какого хрена уставилась? Иди отсюда прочь! Не видишь? Нам нужно поговорить...

Та, с трудом сдерживая слёзы, молча кивнула и ушла в свой закуток, оставив супругов один на один со свалившейся на них бедой. Юрий Алексеевич молча сидел в углу комнаты,

стараясь остановить мысли, которые, словно не желая оставаться в памяти, бешеным вихрем разрывали его мозг. Почувствовав, что Елена Сергеевна начинает приходить в себя, он поднял взгляд и вздрогнул от неожиданности: перед ним сидела вмиг постаревшая, разбитая горем женщина, в облике которой не осталось ничего от светской дамы. Простая, пожилая тётка с разбухшими от слёз глазами. Сам того не замечая, он взял со стола стакан с недопитым успокоительным и влил остро пахнущую жидкость в рот. Супруга с безразличным видом следила за суетливо-бессмысленными движениями мужа. Наконец, словно забыв о своей недавней истерике, женщина поднялась и спокойным голосом сказала, чётко отрывая каждую фразу:

– Ладно. Не время сейчас. Надо решать. Надо действовать.

Юрий Алексеевич вновь поразился метаморфозам, происходящим с женой. На его глазах «простая тётка» превращалась в деятельную и решительную Елену Сергеевну, возвращаясь в привычный облик советской леди. Однако следующий пассаж супруги заставил его невольно содрогнуться. Женщина подошла к зеркалу и, глядя через него на мужа, сказала ровным тоном:

– Мне абсолютно по...й, как ты будешь вызволять Павлика из беды. Хочешь, давай взятки, хочешь поднимай свои связи. Это твоё дело. Но знай одно: если сына завтра не будет дома, я разведусь с тобой. Мне плевать на твою карьеру. Да и на тебя мне тоже наплевать.

Первый секретарь обкома партии был вспыльчив, но отходчив. Сгоряча он мог наговорить проштрафившемуся много нелестных слов, не исключая и ненормативную лексику. Но он, каким-то чутьём понимал, когда ему надо остановиться и прислушаться к оправданиям собеседника. Его любили, боялись и уважали. Впрочем, сегодня он даже не стал повышать голос. Просто смотрел на стоящего перед ним Юрия Алексеевича и молча размышлял о чём-то важном. Наконец, руководитель вздохнул и, указав подбородком на стул, сказал:

– Присаживайся, Алексеич! Неча гусем переминаться, – дождавшись, когда заместитель займёт привычное место у стола, негромко продолжил, – беда с этими детками! Ты думаешь у меня проблем с этим нет? Как бы не так. Будь спокоен, хватает... Но сейчас я не об этом. Что случилось, то случилось и взад уже не вернётся. Главное, что пострадавший жив. Наверняка калекой останется, но это уже другой коленкор. Конечно, о том, что ты займешь моё место в обкоме и речи быть не может. Ты ведь знаешь, что меня в скором времени в столицу переведут? Да что я спрашиваю? Об этом по всем углам шепчутся. Шептуны, твою мать! Ладно, хрен с ними. Я тебя с собой заберу. В Москве уже определимся с должностишкой твоей. Здесь тебе оставаться нельзя. Клеймо несмываемое на твоём имени. А в центре всё позабудется. Там не до мелочей. Новая революция грядёт! Насчёт сына твоего я уже беседовал. Характеристики у него отличные. Это – факт в нашу пользу. С прокурорскими я договорюсь. Не переживай. Посиди. Я сейчас...

Поднявшись из-за стола, Первый вышел в приёмную. Юрий Алексеевич только сейчас начал понимать смысл сказанного руководителем. Сумбур в его голове стал приобретать слабые черты упорядоченных мыслей. «Первый не орал, не ругался и не грозил карами. Значит не всё так плохо, – думал ещё не вполне пришедший в себя Коробов, – я ожидал худшего. Мужик! У самого карьера под вопросом, а он и для Пашки время нашёл. «Своих не бросаем!» Надо же? слова-то какие подобрал. Как на фронте».

Руководитель с шумом вернулся в кабинет. Тяжело опустившись в кресло, зачем-то пояснил:

– На корте вчера ляжку ушиб. Болит зараза! Ладно, проехали. Тут вот какое дело. Пострадавшему протез германский нужен. Умеют фрицы протезы мастерить. Наверное, война научила. Так вот, с протезом проблем не будет. Я дал поручение завсектором, она изучила проблему. Закажем. Тебе только надо оплатить эту хреновину. Дорогая она, говорят больше трёх тысяч марок стоит. В бюджете такие расходы не предусмотрены. Сам оплатишь. Деньги-то есть? Ну и хорошо. Кофейку хочешь? Нет? А я выпью.

Юрий Алексеевич смотрел, как Первый пьёт кофе и с едва сдерживаемым нетерпением ожидал начальственного вердикта. Наконец, тот поставил чашку на блюдце и нажал кнопку селектора:

– Всё! Забирайте. Только чашку вымойте, а не разбейте. Шутка! – откинувшись на спинку кресла, заговорил глядя прямо в глаза заместителя, – ты, наверное, думаешь, что одним протезом отделаешься? Нет, родной! Денег дай родственникам пострадавшего. Да не скупись. Дай столько, сколько затребуют. Но и это пустяки. Разберёшься. Сынка твоего сейчас из кутузки выпускают. Меня в приёмной начальник управления дожидался. Указаний спрашивал. Твой оболтус сегодня в порядок себя приведёт, а завтра, с самого ранья, пускай чешет прямо в ВУЗ и подаёт заявление на отчисление по собственному желанию. Оттуда в военкомат. Я договорился с комиссаром, сына твоего без экзаменов примут. Шутка.

Юрий Алексеевич впервые после долго молчания осмелился высказаться:

– В армию? Пашку? Да как же так-то?

Первый секретарь с трудом сдержал гнев:

– Ты в самом деле дурак? Или прикидываешься? Армия – это единственный выход для твоего оболтуса. Нам скандал не нужен. Нам его срочно замять надо. Ничего, послужит твой спортсмен в каких-нибудь гэсавэгах писаришкой, ума наберётся, да и анкету отмоет от позорного пятна! А как ты хотел? За всё надо платить. И необязательно деньгой. В любом случае у твоего сына нет других вариантов. Да и у тебя тоже. Считай, что ты мимо кресла Первого секретаря обкома партии пролетел со свистом. Ступай. Дел у меня много.

Глава 5. Отец и сын. Откровения от Юрия Алексеевича

Пашка вышел из дверей университета и зачем-то посмотрел вверх. Мартовское небо было тяжёлым и похожим на огромный пресс, давившим на землю. Парню очень не хотелось идти домой, он знал, что там его ждёт гнетущая тишина и отчуждение. Нет, Елена Сергеевна не стала закатывать скандалов и истерик. Встретив сына в просторной прихожей, она хмуро сказала домработнице:

– Дай ему чистое бельё и полотенце. Пусть смое с себя тюремный смрад. И покорми...

Не закончив фразы, мать прошла в спальню и плотно закрыла за собой двери. Два дня, которые ушли на улаживание формальностей в университете, стали для Павла настоящей пыткой. И если служебное равнодушие канцеляристов из управления кадров помогло ему пережить отчисление из ВУЗа как событие вполне ординарное, то тяжёлая домашняя обстановка буквально разрывала душу. Отец также избегал встреч и разговоров с сыном. Да и вообще, Юрий Алексеевич перестал обедать дома и старался возвращаться с работы как можно позднее. И лишь вчера, уже уходя из дома, отец накоротке заглянул в комнату сына:

– Всё. Все проблемы улажены, дело в отношении тебя закрыто. Завтра заканчивай эпопею с университетом. Послезавтра с утра тебя будут ждать в военкомате. – Не став дожидаться ответа, Юрий Алексеевич прикрыл двери комнаты и со вздохом облегчения вышел из квартиры.

Постояв под арками парадного входа университета, Пашка, бросив прощальный взгляд на вывеску, неторопливо спустился вниз. Он решил было позвонить в Москву Верочке, но вспомнив последний телефонный разговор с девушкой, сумел подавить желание. «Я ей совсем неинтересен, – думал парень, бредя по тротуару, – Верка чуть не захлебывалась, рассказывая о своих успехах и столичной жизни. Ну и хрен с ней. Всё равно узнает, что со мной произошло, и постарается вычеркнуть из своего будущего. Советские дипломаты не должны быть запятнаны общением с зеками. Ладно. Разберусь... А тут ещё завтра в дурацкий военкомат надо идти. Надо же? Даже в армию и то по блату. И в самом деле... «Баловень»!» Идти ему было некуда. Среди бывших одноклассников у него друзей не было, а приятели из новой компании,

узнав про случившееся, просто потеряли к нему интерес. Мельком взглянув на часы, Павел направился к автобусной остановке.

Юрий Алексеевич почувствовал себя неважно ближе к обеденному перерыву. Приняв рекомендованную секретаршей таблетку, он снова окунулся в бурную обкомовскую деятельность, однако импортная пилюля так и не принесла обещанного инструкцией облегчения. Врач обкомовской поликлиники, проверив давление, пульс и зачем-то заглянув ему под веки, подвёл короткий итог:

– Переутомление у вас, Юрий Алексеевич. Я вам выпишу больничный. А вы будьте добры, езжайте домой и как следует выспитесь.

Ещё неделю назад Коробов-старший, воспользовавшись советом эскулапа, поехал бы «лечиться» к одной из своих знакомых. Но сейчас он понимал, что время лёгких увлечений безвозвратно кануло в небытие, и, тяжело вздохнув, Юрий Алексеевич поехал домой.

Ни отец, ни сын, не ожидали, что встретятся, более того, они и не желали этой встречи. Просто не знали, о чём им говорить. Наверное, им обоим нужно было время, чтобы осознать новую, непривычную реальность. Однако судьба распорядилась по-своему. Первым опомнился Коробов-старший, оглядев с ног до головы сына, стоящего у окна столовой, он спросил, вполне осознавая бессмысленность вопроса:

– Как дела?

Сыну стало неловко за отца. Он впервые видел своего родителя в состоянии беспомощности. Слова вырвались сами по себе. Против его воли:

– Папа, давай поговорим? – Пашке очень хотелось, чтобы отец, привычно отшутившись, уклонился от разговора. Но, вопреки его ожиданиям, Юрий Алексеевич молча подошёл к столу и, опустившись на свой стул, приглашающе махнул рукой:

– Давай поговорим...

Павел, в душе проклиная себя за необдуманный поступок, расположился напротив. Не зная, как начать непростой разговор, он просительно взглянул на отца. Тот понимающе кивнул:

– Тяжело тебе? стыдно, наверное...

Парень почему-то почувствовал облегчение от совсем неласкового тона родителя. Опустив глаза, ответил, чувствуя, как краска заливает его лицо:

– стыдно... Я ведь вижу, что у вас с матерью полный разлад. Не разговариваете, спите в разных комнатах. Поверь, я не хотел, чтобы так получилось...

Юрий Алексеевич перебил:

– В этом ты как раз меньше всего виноват. Твой фортель, лишь послужил катализатором.

Пашка почувствовал, как в нём просыпается неподдельное любопытство:

– Значит у вас это давно?

Отец печально улыбнулся:

– Мы прожили с твоей мамой не один десяток лет. Тебе, конечно, сейчас не понять, как можно прожить с человеком, не испытывая к нему никаких чувств кроме благодарности. Прожить без любви, но в мире и согласии. Твоя голова забита юношеской ахинеей вроде «вечной и искренней любви». Но, поверь мне, своему отцу, что так не бывает.

Пашка был далёк от идеалов «чистой и взаимной любви», но решил подыграть родителю в его философских откровениях:

– А как бывает?

– Есть такая штука. В философии называется «общественным договором». По-моему, он вполне применим и в семейных отношениях. Так сказать, де-факто. Вот мы и жили, вернее, живём с твоей матерью в рамках этого самого договора.

Павлу стало скучно. Ему захотелось побыстрее закончить, так и не успевший набрать обороты разговор:

– Вообще-то я не об этом. Мне действительно стыдно. Стыдно, что из-за меня у тебя столько неприятностей. И на работе, и дома. Пойду я? Перед мамой я после извинюсь.

Юрий Алексеевич вдруг почувствовал, как внутри закипает негодование:

– И всё? Так просто? «Извините, я больше не буду»? – Отец решительно указал на стул. В его голосе зазвучали железные нотки. – Сидеть! И будь любезен выслушать меня до конца.

Пашке вновь пришло в голову, что он открывает отца с новой, доселе неизвестной ему стороны. Послушно опустившись на стул, парень вопросительно взглянул на родителя:

– Я слушаю тебя, папа.

Юрий Алексеевич подошёл к буфету и налил себе полстакана коньяку. Вернувшись за стол, он пригубил глоток янтарного напитка и вновь взглянул на сына:

– Тебе не предлагаю. Хочу думать, что ты ещё не знаком с крепким алкоголем, – помолчав пару секунд, продолжил с задумчивым видом. – Знаешь? Я почему-то не сильно удивился, узнав, что ты натворил. С отпрысками больших начальников, случаются вещи и куда более серьёзные. Мне иной раз кажется, что у них, как говорят в народе, «блатных», в голове некая программа есть. И она, эта программа, сводится к простейшему постулату: «брать от жизни всё, что можно. Особенно то, чего нельзя другим». Ну, а ежели случится беда, то предки отмажут. Оградят, так сказать, от последствий.

Павел позволил себе иронично улыбнуться:

– Можно сказать, что раньше «так» не было!

Отец навалился грудью на стол и, чуть повысив голос, ответил:

– Со мной так не было! И знаешь почему? – не дожидаясь встречного вопроса, ответил сам, – потому что мой отец, твой дед, по двенадцать часов вкалывал у токарного станка. А твоя бабушка, по моей линии, столько же времени проводила у ткацкого станка. И денег моей семье хватало лишь на самое необходимое для выживания.

Пашка хотел было молча проглотить короткую исповедь отца, но не смог удержаться:

– А как же мама? Ведь мой дед, отец мамы, не стоял у станка.

Юрий Алексеевич вдруг успокоился. Отпив ещё один глоток, он поставил стакан на стол и с чувством гордости ответил:

– Твоя мать – святая женщина! – подумав пару секунд, продолжил, – нет. Не так. Твоя мать – необыкновенная женщина! Женщина способная на самопожертвование. Я-то думал, что она посвятила себя моей карьере... Господи! Как я ошибался...

Сын решил прервать монолог отца:

– В чём ты ошибся?

Юрий Алексеевич надолго задумался. Затем, подняв глаза, сказал, пожав плечами:

– Выходит, что и не ошибался. Просто неправильно её воспринимал. Она помогала мне строить карьеру для того, чтобы в будущем проложить дорогу тебе. Своему сыну. Вот и вся недолга. Но я сейчас не об этом.

– А о чём?

– О твоих ровесниках. Из категории «блатных», – Юрий Алексеевич вновь пригубил из стакана, – знаешь, что самое страшное? Это то, что они правы в своих требованиях. Не они создавали эти правила жизни «избранных». Это началось задолго до сегодняшнего дня. Они лишь пользуются правилами, созданными такими людьми как твой дед. По материнской линии, конечно. И мы, нынешние отцы и деды, обязаны обеспечить им защиту. В случае чего. И сейчас я сделал то, что должен был сделать.

Пашка поднял голову:

– Получается, что если бы ты был рабочим или, скажем, вожатым трамвая, то ничего не стал бы предпринимать? Я правильно тебя понял?

Отец пожал плечами:

– Знаешь, чем отличаюсь я от твоего «вожатого»? Вожатый при всём желании не смог бы помочь своему оболтусу. А я – смог. И я уверен, что это и есть, та самая «социальная справедливость». Человек облечённый полномочиями, должен обладать и привилегиями. Иначе теряется смысл движения вперёд. Ладно, – Юрий Алексеевич поднялся из-за стола, – пора заканчивать. Тебе завтра к военкому. Призыв-то только через неделю начинается. А нам надо побыстрее тебя с глаз долой от общественности убрать. Ничего, два года в армии, это не отметка в анкете о снятой судимости. Тебя ведь даже из комсомола не исключили. Так что послужишь за кордоном, ума наберёшься, а там будет видно, что, да как. Ступай.

Глава 6. В военном комиссариате

Пашка сидел в приёмной военного комиссара и, глядя в недавно вымытое окно, тоскливо размышлял: «Про армию итак страшилки по универу бродят. Преподы, чуть что, призывом пугают. А тут ещё и Афган. Он, вообще-то, как бы и не существует для таких как я. Но ведь есть? И пацанов, тех, что с Уралмаша, туда направляют. Странно! Среди моих друзей ни у кого... Нет, не так. Среди моих знакомых никто там не побывал. Даже не призывался. Ребята из группы почитывают вслух «Комсомолку» и потешаются. Интересно, а какое лицо будет у отца и военкома, если я сегодня изъявлю желание поехать в Афган?» От такой крамольной мысли настроение парня беспричинно улучшилось, и он против воли улыбнулся. В приёмной послышалось шуршание. Это секретарша, торопясь в кабинет начальника, задела стопку бумаг на столе. Строго оглядев присутствующих, женщина неожиданно басовитым голосом сказала, обращаясь ко всем одновременно:

– Товарищи! Комиссар начнёт приём через несколько минут. Я уточню очередность. Рекомендую подготовиться. У Михаила Владимировича много работы. – Поправив очки в тяжёлой оправе, женщина вошла в кабинет руководителя.

Немолодой мужчина с орденскими планками на стареньком пиджаке пробурчал себе под нос, не скрывая недовольства:

– Надо же? И здесь по благу. Зайду в кабинет, научу чинушу в погонах, как надо работать с ветеранами военной службы.

Присутствующие старательно занялись своими, выдуманными в надежде ускорить время, делами. Павел вдруг почувствовал, как краска заливает его лицо. Он, пожалуй, впервые в своей жизни оказался в чужой и абсолютно незнакомой среде. Трусливые мысли забегали в голове: «Главное, чтобы военком не вызвал меня первым. Этот старикан наверняка поднимет скандал. Блин! Попал, так попал!» Ожидание затянулось. Минуты шли за минутами и казалось, что дверь кабинета не откроется никогда. Пожилой ворчун буквально изводил соседей занудством. Наконец, дверь бесшумно отворилась, и появившаяся на пороге секретарь торжественным тоном объявила:

– Товарищ Коробов! Вас ждут.

Пашка с опаской взглянул на пожилого мужчину и поразился переменной выражения лица главного смутьяна. Тот был спокоен и невозмутим как Гойко Митич в гэдээровском вестерне. Парень, едва сдержав вздох облегчения, быстро прошёл в кабинет. Моложавый полковник похозяйски кивнул подбородком на стул:

– Присаживайся. Как фамилия?

Пашка почувствовал, как от волнения пересохло горло. Невольно вытянувшись в струнку, он с трудом произнёс:

– Коробов. Павел. Папа сказал, что меня будут ждать.

В глазах военкома мелькнула напряжённая мысль. Полистав настольный календарь, он снова поднял глаза на посетителя:

– Коробов? Уж не сын ли Юрия Алексеевича?

Парень почувствовал облегчение:

– Да. Юрий Алексеевич мой отец.

Видимо полковник не любил признавать ошибки:

– Сразу не мог сказать? Что за народ пошёл? Детский сад какой-то. Я ведь русским языком спросил. Ладно, проехали. – Коротко черкнув что-то на листке бумаги, он свернул его пополам и протянул Пашке. – Дуй к майору Осипову, он в курсе. Всё организует. Иди. А я покуда с отцом твоим свяжусь.

Пашка с трудом разыскал нужный кабинет. Подойдя к слегка обшарпанной двери, парень почувствовал робость и желание бежать куда глаза глядят. Он уже стал разворачиваться, как вдруг дверь, слегка скрипнув, отворилась и на пороге появился немолодой майор, от которого слегка пахло перегаром:

– Ты кто? Чего тебе? – вероятно почувствовав, что его вопросы пусты и никчемны, офицер не на шутку рассердился, – чего уставился? Язык проглотил?

Павел, окончательно растерявшись, молча протянул разошедшемуся майору сложенный пополам листок. Тот нервно вырвал бумажку из рук призывника:

– Что за хрень ты мне суёшь? – развернув записку офицер бегло ознакомился с содержанием. Успокоившись, и как-то по-новому посмотрев на посетителя, продолжил уже более доброжелательным тоном, – надо же? Детки больших начальников в солдатики решили поиграть? Ладно. Не с.. ы, разберёмся. Заходи в кабинет.

Майор, несмотря на похмельное состояние, оказался толковым и знающим своё дело работником. Задав Павлу несколько дежурных вопросов, он сделал пару звонков по телефону и уже через несколько минут подвёл итог короткой встрече:

– Не дрейфь, Пашка! Устроим тебя с почётом, так сказать. С комиссией я уже договорился. Врачи сегодня собрались на совещание, призыв-то через неделю только стартует. Вот они и обсуждали хрен знает что. Короче, тебя примут и осмотрят. А я уж через пару дней тебе повестку пришлю. Прятаться не будешь? А то у меня с твоим братом и так мороки хватает.

Павел неожиданно для себя почувствовал расположение к чудаковатому военкоматчику. Кивнув для пущей убедительности, он чуть охрипшим от бывшего волнения голосом пообещал:

– Не буду, товарищ майор! Явлюсь по первому требованию.

Собеседник улыбнулся, но не удержался от колкости:

– Являются духи святые. А в армии прибывают. Учти, салабон, ты уже почти в армии. Отвыкай от гражданских словечек. Ладно. Дуй на комиссию. Как закончишь врачебную тяготину, ко мне забегай.

Павел пожал протянутую руку офицера и направился к выходу. Майор, подождав, когда за призывником закроется дверь, набрал номер внутренней связи:

– Привет, Серёга! Представляешь? У меня сейчас Коробов был. Ну тот, который твоего батьку покалечил. В армию просится. Комиссар меня куратором назначил. Черкнул в писульке, чтобы я его в ЮГВ определил. Что? Забежишь? Через часок? Лады. Жду.

Капитан вошёл в кабинет, неся в руке тяжёлый, позвякивающий бутылками старенький портфель. Поставив ношу на стол, офицер сразу перешёл к делу:

– Слушай, Осип. Я к тебе по делу и не с пустыми руками...

Майор обиделся:

– Серёга! Я в армии больше служу, чем ты живёшь на белом свете. Что? Забыл, как меня по имени-отчеству зовут? Или я заслужил только кличкой величаться?

Капитан спохватился:

– Прости, Иван Фёдорович! Прости засранца! Каюсь...

Лицо хозяина кабинета посветлело:

– Проехали. Толкуй про своё дело.

Тот немного помолчал, затем решился:

– Фёдорыч, скажи, только честно, чтобы ты делал, если бы на месте моего отца оказался твой? Только себе не ври. Мы ведь в открытую говорим, а не на партсобрании воду льём...

Иван Фёдорович помрачнел:

– Не знаю. Даже представить не могу. Батяка мой и без того инвалид. Тубик у него после угольной шахты. Мать пишет из Кемерово, что на ладан дышит мой батяня. Короче, как говорили древние римляне, давай ближе к телу. Чего хочешь?

Капитан с готовностью кивнул:

– Я тут покопался в делах призывников. Смотри, в «афганской» команде есть почти полный тёзка этого бластного. Только отчества разные. Мой крестничек Юрьевич, а парень из Урал-маша Юльевич. Просто переложим дела. Поменяем команды и все дела. Пущай сынок второго секретаря в Афгане лямку тянет. Так справедливой будет. Останется в живых, значит повезло уроду. Калекой вернётся, значит заслужил. Бог, он шельму метит. Ну, что?

Майор неуверенно взглянул в глаза собеседника:

– Узнают, с дороги вернут. И мне по орехам достанется. А до пенсии ещё два года. Будь оно неладно!

Служивец не убрал глаз. Тряхнув для убедительности портфелем, он сказал решительно и чётко:

– Не дрейфь, Фёдорыч! Я всё продумал. Ты забюллетенешь, не впервой ведь? А я всё здесь организую. Комар носа не подточит. Вернут с дороги? – капитан задумался ненадолго, затем, пожав плечами, тихо сказал, – значит он – везунчик от рождения. Но попробовать надо. А там как получится. Ну что? По пять капель? Рабочий день на исходе...

Глава 7. Прощание

Пашке пришлось дожидаться повестки дольше, чем пообещал майор Осипов из военкомата. Видимо, даже всемогущий блат не мог повлиять на сроки формирования команд. Это были дни, когда парень наконец осознал, насколько был зависим от родителей. Ему буквально нечем было занять себя, чтобы скоротать время. И отец, и мать словно забыли про сына, а самому попросить денег на карманные расходы у Павла не хватало смелости. Отец уезжал на работу очень рано и до позднего вечера не показывался дома. Елена Сергеевна жила затворницей в своей комнате и практически не выходила в гостиную. Многолетняя традиция семейных обедов тихо и незаметно сошла на нет. И только Аннушка, преданная домработница Коробовых, упорно продолжала придерживаться установленного хозяйкой распорядка. Впрочем, и она, завершив хлопоты по дому, старалась лишней раз не покидать своего закутка.

Царившая в семье обстановка тяжёлым прессом давила на Павла. Он целыми днями валялся на диване, бездумно разглядывая потолок комнаты и армия уже стала казаться ему единственным выходом из тупика. На второй день после медкомиссии в его дверь осторожно постучалась Аннушка. Не дождавшись приглашения, женщина робко вошла в комнату и, поставив в угол набитый рюкзак, с состраданием взглянула на юношу:

– Совсем ты, Баловень, с лица сошёл. Поел бы чего? Я там наготовила всего, что ты любишь, – глядя на отворачивающегося к стене Павла, со вздохом продолжила, – я тут тебя на службу собрала. Бельишко, трусики, вещи умытьельные и прочее. Всё самое простецкое сложила. В армии дорогими тряпками не шеголяют. Еду я тоже заготовила. Но пусть пока в холодильнике постоит. Не испортится.

Пашка хотел было от души выругаться и выгнать назойливую тётку прочь, но, взглянув в лицо женщины, вдруг непонятно зачем, попросил:

– Посиди со мной, Аннушка...

Домработница с готовностью присела на край дивана и положила тёплую ладонь на Пашкину ступню. Тот слабо улыбнулся:

– Прямо, как в детстве. Помнишь, как ты меня спать укладывала?

Анна смахнула слезинку:

– Помню, сынок. Ещё как помню! Ты поспи. Утро, оно и в самом деле мудренее. Глядишь, помаленьку всё и образуется.

В день, когда посыльный наконец принёс долгожданную повестку, в комнату к сыну зашёл Юрий Алексеевич. Постояв в дверях, он всё-таки поборол невесть откуда взявшуюся робость и присел на стул у письменного стола. Пашка молча следил за родителем. Дождавшись, когда тот окончательно устроится на стуле, поднялся с дивана. Порывшись в карманах спортивной куртки, достал коробочку и также молча протянул её отцу. Юрий Алексеевич удивлённо поднял глаза:

– Это что? Юношеский демарш?

Сын покачал головой:

– Нет батя. Просто завтра мне на призывной пункт. А в войсках дорогие цацки не нужны. Пусть часы у тебя до моего дембеля полежат. Сбережёшь?

В горле Юрия Алексеевича вдруг запершило. С трудом сдержав волнение, он взял из рук сына коробочку с часами и, повертев её в руках, снова взглянул на Пашку:

– Сохраню. Не сомневайся. Ты первый раз в жизни назвал меня так. Я своего отца всегда «батей» звал. Теперь вот ты... Не ожидал я. Спасибо.

Помолчали. Первым заговорил отец:

– Ты извини. Я не смогу тебя проводить. В Москву улетаю сегодня в ночь. Вместе с Первым. Надо решать вопросы с нашим переводом. Сам понимаешь, дело непростое.

Павел остался спокойным и даже казался взбодрившимся:

– Ничего страшного, не на века прощаемся. Всего на два года.

Отец благодарно и немного смущённо посмотрел на сына:

– Павел! У меня к тебе ещё одна просьба есть. Не тревожь маму. Она до сих пор в себя прийти не может. Я сильно за неё переживаю.

Пашка молча кивнул, но не смог удержаться от тревожащего его вопроса:

– Как ты думаешь, вам удастся вернуть прежние отношения?

Юрий Алексеевич хотел было отделаться дежурной фразой, но, заглянув в глаза парня, ответил честно:

– Я не знаю. Понимаешь, сейчас трудно делать прогнозы. Уж извини за казённую фразу. Умные люди говорят, что время лучший доктор. Вот мы с мамой и проверим, насколько правы, эти «умные люди». Ты посиди, я сейчас вернусь. У меня для тебя сюрприз есть.

Отец вернулся через десять минут и, протянув сыну простенькую картонную коробочку, сказал:

– На, бери. Это часы «Победа». самого первого выпуска. Их твой дедушка, батя мой, всю жизнь носил. Ты не смотри, что они невзрачные, им сноса нет и не будет. Да и в армии на них никто не позарится. Вернёшься, обмен произведём. Договорились?

Пашка ответил с лёгким сердцем:

– Договорились, батя!

И всё-таки парень не сдержал своего обещания. Дождавшись отъезда отца, он постучал в дверь материнской комнаты. Дверь открылась мгновенно, на пороге стояла Елена Сергеевна, осунувшаяся и постаревшая. Посторонившись, она пропустила сына в комнату и вернулась к креслу:

– Я слушаю тебя.

Павел смущённо потоптался на месте:

– Мам. Короче, мне завтра с утра на призывной пункт. Вот, попрощаться пришёл...

У ворот призывного пункта Аннушка остановилась и, переведя дыхание, неожиданно твёрдо сказала:

– Всё Баловень. Дале не пойду. Давлением болеть потом буду. Давай здесь попрощаться.

Пашка обнял женщину и как-то по-детски неловко чмокнул её в щёку. Аннушка вытерла наворачнувшиеся слёзы и тихо попросила:

– Нагнись пониже. Не приведи Господь, увидит кто.

Юноша послушно наклонил голову. Женщина перекрестила его и надела на шею алюминиевый крестик на простенькой бечёвке:

– Чтобы не случилось, не снимай. Господь тебя в беде не оставит. А я за тебя каждый день Его просить буду...

Глава 8. На сборном пункте

Пашка прошёл почти до середины двора сборного пункта и остановился в нерешительности. Он по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке и всеми силами пытался подавить не очень знакомое ему ранее чувство робости. Увидев у забора группу призывников, парень хотел было уже направиться к ним, но громкий окрик заставил его замереть на месте. Повернув голову в сторону источника звука, он увидел торопливо идущего к нему прапорщика с повязкой на рукаве линялого кителя. «Наверное дежурный, – думал Коробов-младший, почему-то не решаясь тронуться на встречу предполагаемому начальнику, – да что это со мной? Ноги как ватные, а башка вообще отказывается думать!» Прапорщик остановился в полушаге от Пашки и сердито посмотрел прямо в лицо:

– Я чо, по-твоему, бегать за каждым должен? Не жирно ли будет целого прапорщика по плацу гонять?

Парень почувствовал себя окончательно уничтоженным и неожиданно для себя не сказал, а пропищал глупую фразу:

– Извините. Я не знал, что это плацем называется...

Начальник ещё раз взглянул в пашкины глаза и, вероятно поняв состояние призывника, сказал более-менее миролюбиво:

– Ладно. В какую команду зачислен?

Коробов почувствовал, как понемногу к нему возвращается уверенность. Пожав плечами, он ответил почти своим голосом:

– Не знаю. Мне не говорили...

Лицо прапорщика вновь посуровело:

– В повестке написано. Или грамоте не обучен? Давай бумагу сюда!

Развернув сложенный пополам листок и прочитав нужную строку, прапорщик, как-то поновому взглянув на парня, торопливо сказал:

– Во внутрь проходи. Твоих в зале собирают. Тебе там всё объяснят.

– Спасибо вам, товарищ прапорщик! – Пашка и в самом деле был благодарен неожиданному помощнику, – что бы я без вас делал?

– Иди давай, нечего задницу морозить! Да и время уже на подходе.

В довольно просторном помещении, чем-то напоминающем кинозал сельского клуба, сидело человек двадцать-тридцать парней, одетых в почти одинаковые телогрейки и порядком изношенные брюки. Услышав скрип открываемой двери, все машинально повернули голову ко входу и оценивающе посмотрели на своего нового товарища. «Блин! – думал Пашка на ходу высматривая свободное место, – надо было послушать Аннушку и одеть телогрейку. Какого хрена выпендрился?» Сидящий ближе всех парень призывно махнул рукой:

– Сюда причаливай. Местов на всех хватит, – дождавшись, когда Павел займёт предложенное место, протянул полусогнутую руку, – меня Витькой зовут. Из Палкино я. Слыхал?

– Слыхал. – Пашка крепко пожал широкую ладонь соседа. – Я – Пашка. Давно здесь сидишь?

Витька равнодушно зевнул:

– Со вчерашнего дня. Я заранее приехал, чтобы из дома слинять. Менты дело пришить хотят, вот я дёрю и дал. Здесь не достанут.

Коробов с интересом взглянул на соседа. Ему не хотелось отвечать на традиционные для знакомства вопросы и потому, он решил взять инициативу на себя:

– Натворил чего?

Виктор снова равнодушно зевнул:

– Забей. Меньше будешь знать, дольше будешь жить, – довольный своим ответом, он вдруг поменял тон с наставнического на просительный, – слушай, Пашка, у тебя есть что пожрать? А то в животе – кишка кишке кукиш показывает...

Коробов поставил рюкзак на колени и принялся развязывать горловину:

– Наверняка есть. Аннушка не могла забыть...

Сосед подтолкнул его локтем:

– Что за Аннушка? Жена, невеста или, может быть, сестрёнка? Познакомишь? – увидев, как изменился в лице новый товарищ, поспешно добавил, – да я без всякой хрени. По-честному!

Пашка на мгновение представив, как Витька прогуливается под ручку с Аннушкой, с трудом сдержал улыбку:

– Старовата она для тебя, дружище! Помоложе поищи...

Достав из рюкзака довольно объёмный свёрток с едой, протянул его соседу:

– Бери. Ешь на здоровье!

Видимо, Виктор не страдал комплексами скромного человека. Приняв пакет, он без тени смущения спросил:

– А запить есть? Не в сухомятку же трескать.

Коробов достал из рюкзака металлический термос:

– Пей. Только ешь молча. Голова болит.

Запах съестного моментально заполнил комнату. Сидящие в передних рядах призывники стали поворачивать головы, пытаясь определить откуда исходит аромат. Пашка заметил, как приятель засунул пакет под полу телогрейки. Пожав в недоумении плечами, спросил его:

– Поделиться не хочешь? Там много. На всех хватит.

Витька отрицательно pokrutil головой и, торопливо прожевав кусок бутерброда, категорично ответил:

– На всех не хватит. Своё надо иметь!

Насытившись, сосед аккуратно свернул пакет с остатками еды и засунул его в свой вещмешок:

– Про запас. Есть захотим, тогда и достану.

Пашка вяло кивнул и, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья. Однако новый приятель никак не хотел угомониться. Снова толкнув парня локтем, заговорил, стараясь перехватить взгляд Коробова:

– Ты парень какой-то не такой. И одет по фирме, и жратва у тебя сплошь дефицит. Даже термос и тот импортный. Из чьих будешь, пацанчик?

Пашка посмотрел мимо соседа и равнодушно ответил его же словами:

– Забей. Меньше будешь знать, дольше будешь жить...

Внезапно помещение наполнилось тревожным ожиданием. Даже почти уснувший Пашка, почувствовал, как по рядам промчался взволнованный шёпот. Открыв глаза, он вопрошающе взглянул на соседа. Витька пожал плечами:

– А хрен его знает, чего закопошились. Я уже привык...

Товарищ не успел закончить фразу. Боковые двери открылись настежь и в зал вошёл немолодой подполковник в сопровождении двух офицеров и небольшой группы сержантов.

Призывники, почувствовав, что наступает главный момент в их жизни, инстинктивно поднялись с нагретых сидений. Офицер остановил их порыв взмахом руки:

– Сидите. Ещё успеете настояться. – Дождавшись, когда парни рассядутся по местам, обвёл их взглядом и, слегка откашлявшись, обратился сразу ко всем. – Ребята! Любой, кто не хочет служить в Афганистане, пусть просто поднимется и выйдет в коридор. Даю слово боевого офицера, его оставят служить в Союзе.

В зале повисла напряжённая тишина. Пашка почувствовал, как кровь бешено запульсировала в его висках. Издалека донёсся приглушённый шёпот Витька:

– Ни хрена себе? Вот это попадалово!

Глава 9. Теперь ты в армии...

По рядам пронёсся лёгкий гул. Подполковник продолжал стоять, молча наблюдая за реакцией призывников. Казалось, он был абсолютно спокоен. По крайней мере, внешне ничего не выдавало его тревогу. Пашка отвёл взгляд от невозмутимого лица офицера. Он чувствовал, что ему просто необходимо взять себя в руки, чтобы оценить ситуацию и определиться с действиями. Пытаясь привести мысли в порядок, Коробов взглянул на своего нового товарища и поразился хладнокровию соседа. Витька, быстро справившись с секундной растерянностью, с безразличным видом вытаскивал из вещмешка пакет с остатками еды. Словно почувствовав на своем лице пашкин взгляд, парень недовольно пробурчал, как бы оправдываясь:

– Я когда в непонятки встречаю, всегда есть хочу. – Заметив в глазах товарища откровенное недоумение, запальчиво добавил. – Чего уставился? По мне хоть в Афган, хоть на Северный полюс. Одна хрень. Всё лучше, чем на нары. Ты тоже пожри. Когда ещё придётся по-человечески похавать.

Коробов не ответил Виктору. Отвернувшись, чтобы не видеть процесс поглощения бутербродов, он стал рассматривать сидящих в зале людей, пытаясь угадать их настроение. Беглый осмотр присутствующих снова заставил его удивиться: большинство парней с видимым равнодушием ожидали дальнейшего развития событий, и лишь малая часть призывников была явно взволнована словами подполковника. «Надо же? – думал Пашка, вглядываясь в лица земляков, – сидят и хоть бы хны. Наверное, только для меня эта новость стала «новостью». Остальные, похоже, наперёд знали, куда их направит военком. Что делать?» Мыслей было так много, и они проносились в голове с такой скоростью, что Коробов никак не мог ухватить главную, ощущая себя боксёром, отправленным в нокдаун. «Наверное это и есть то самое «гrogги». – думал он, нутром понимая, что попросту тратит время. – Блин! В ринге не довелось, а здесь огрёб по самое не хочу. Бредятина какая-то...» От сумбура в голове Пашку отвлёк подполковник, решивший, что пора приступать к финальной части короткого собрания. Громко хлопнув в ладоши для привлечения внимания аудитории, офицер вновь обратился к призывникам:

– Ну и отлично! – Речь оратора была энергичной и в тоже время успокаивающей. – Сейчас каждому из присутствующих дадут лист бумаги, на котором вы напишите заявление о добровольном желании служить в Афганистане. Замполит продиктует нужный текст. Постарайтесь писать без ошибок и не забудьте поставить подпись и дату. Приступайте, товарищ старший лейтенант.

Молоденький офицер, сильно покраснев, вышел из-за спины начальника и сдавленным от волнения голосом объявил:

– Я буду диктовать медленно, почти что по слогам. Насчёт ошибок не переживайте. Если будет чересчур безграмотно, то я помогу потом переписать.

Витька неодобрительно хмыкнул:

– Сразу видно, кабинетный офицерик. Гляди, покраснел как девка! И чего волноваться? Не самому же за речку переться. Довезёт до места и взад отправится. Таких же баранов, как мы охмурять. Одним словом – фуфлыжник. Слушай, Паха, я в писанине не шибко. Поможешь

написать? Не охота к этому фраеру обращаться. Да и толпа наверняка такая будет, что не толкнуться.

Пашке очень не понравилась новая трактовка его имени. Да и столь образные характеристики, данные соседом старшему лейтенанту, тоже не вызвали восторга. Однако решив не обострять отношения, он лишь вздохнул и процедил сквозь зубы:

– Помогу. Чего уж там.

Процедура оформления растянулась почти на два часа. Всё это время Коробов-младший лихорадочно думал, как ему быть и что такое предпринять, но решение так и не пришло ему в голову. В конце концов, усталость и раннее пробуждение сделали своё дело, и Пашка незаметно для себя самого уснул, положив голову на рюкзак.

Коробов проснулся от крепкого тычка под рёбра. Открыв глаза, он всё никак не мог понять, где находится. Однако бесцеремонные фразы Витька помогли вернуться в действительность:

– Харе дрыхнуть, кореш! Все уже сдали свои бумажки, щас полкаш снова речь будет толкать.

Как-будто услышав призыв Виктора, подполковник поднялся с места и выслушав короткий доклад замполита, обратился к призывникам:

– Ну вот и всё. Можете с этого момента считать себя принятыми в ряды Советской армии. До принятия присяги, правда, ещё далековато, но вы уже и не гражданская молодёжь...

Кто-то из парней решил перебить начальника:

– Полуфабрикаты мы...

Народ рассмеялся, с некоторой тревогой ожидая реакции офицера. Тот даже не нахмурился. Кивнув подбородком в сторону дверей, устало закончил:

– Сейчас разбираем вещами, выходим на плац и строимся. Сержанты заполняют списки и распределяют вас по временным подразделениям. Вопросы есть? – он бегло осмотрел поднимающихся с мест призывников, – тогда на выход.

Витёк занял место в строю слева от Коробова. Он был немного ниже ростом, но коренастей и плотнее. Пашка чувствовал, что порядком устал и от навязчивой трепотни товарища, и от его манеры поведения, но всё же решил держаться вместе. Тот, взглянув на тяжёлое уральское небо, сказал сам себе:

– Щас нас пересчитают, как баранов и погонят на вокзал. Скорей бы в вагон, может у кого и водяра найдётся? – с надеждой взглянув на Коробова, спросил, – у тебя часом нет? Может твоя Аннушка положила в рюкзачок-то? Литрушку.

Пашка не успел ответить. К строю подошла группа младших командиров из трёх человек, возглавляемая старшим сержантом. Тот был высок, плечист и изо всех сил старался казаться старше своих лет. Остановившись перед Коробовым, поднял на него тяжёлый взгляд:

– Фамилия?

Пашка, смутившись от неожиданности, переспросил:

– Чья?

Из-за спины старшего сержанта буквально вынырнул помощник. Легко ткнув Коробова кулаком в грудь, заговорил, попутно обращаясь к стоящим рядом призывникам:

– Слышь, ты? Чморило свердловское. Ты теперь в армии и отвечать надо коротко и по существу, – оглядев для верности пашкиных соседей, добавил, – это всех касается. Ясно?

Строй недовольно загудел. Пашка в принципе понимал, что сглупил, задав вопрос, но обидное и явно незаслуженное обращение помощника старшего сержанта, заставила его нахмуриться. Тот, почувствовав внутреннее сопротивление призывника, решил окончательно надавить наглеца. Придав ступню Коробова начищенным сапогом, он угрожающим тоном повторил вопрос начальника:

– Как твоя фамилия, обсосок?

В разговор внезапно вмешался Витька, очевидно посчитав, что сможет погасить разгорающийся конфликт мирным путём. Взяв старшего сержанта за локоть, он успокаивающе-проникновенным голосом заговорил:

– Пацаны, на хрена эти разборки? Давайте разойдёмся краями. Так умные люди советуют.

К нему сразу подскочил помощник старшего сержанта и сходу попытался осадить ново-явленного переговорщика:

– Ты где это «пацанов» нашёл? Зелень обос...ная...

Сержант неожиданно прервал ретивого товарища:

– Харе, Фил. Будет время объяснить чмырятам, что такое армейский порядок. До поезда ещё успеем. А сейчас переписать всех надо и шмутьё проверить, – бросив поочерёдно взгляд на Пашку и Виктора, криво усмехнулся, – после построения на месте оставайтесь. Тут на сборняке в сортире очки грязные. Непорядок! Туалет должен в чистоте содержаться.

Дождавшись, когда сержанты отойдут на достаточное расстояние, Пашка взглянул на Виктора:

– Чего влез? Сам бы разобрался.

Парень криво усмехнулся. В его глазах промелькнул огонёк, от которого Коробову стало не по себе. Сплюнув на асфальт, Витёк вытер губы ладонью и с нескрываемой злобой ответил:

– Своих не бросаем. Меня так люди учили. Не дрейф, Паха! Есть чем ответить начальничкам. Посмотрим, кто из нас порядки устанавливать будет...

Сержанты закончили проверку минут через пятнадцать. Старший сержант, доложив о проделанной работе какому-то капитану и передав ему заполненные списки, вновь подошёл к строю призывников. Демонстративно взглянув на часы, сказал, чётко выговаривая каждое слово:

– До посадки в автобус у вас есть ещё сорок четыре минуты. Далеко не расходитесь. Курить строго в отведённом месте, – сделав паузу, протянул руку в направлении курилки и убедившись, что люди правильно поняли его слова, закончил главным, – употреблять спиртные напитки категорически запрещено. Всем ясно?

Кто-то из призывников отозвался не совсем трезвым голосом:

– Так ведь забрали, спиртное-то! Откуда...

Старший сержант строго взглянул на смельчака:

– Заткнись ты, как там тебя? – видимо, посчитав инцидент исчерпанным, подвёл итог, – перекуривать можно всем, кроме Коробкина и его непонятливого дружка. Им оставаться на месте. Разойтись!

Пашка неуверенно взглянул на Виктора:

– Бред какой-то. Я – Коробов...

Откуда ни возьмись, рядом оказался помощник старшего сержанта. Делано улыбаясь, он пояснил:

– Теперь всю дорогу будешь Коробкиным. И мастером по мытью толчков. Понятно? – ещё раз взглянув на призывника, кивнул подбородком на дальний угол двора. – Шуруйте оба туда. Да пошустрее!

Пашка хотел было возмутиться, но ему не позволил Витёк. Крепко сдавив ладонь товарища, парень елеинно-противным голосом зашепелявил:

– Пошли, Паха! Ничего тут не поделаешь, сами напросились, теперича отвечать будем. – увидев искажённое лицо Коробова, крепче сдавил его кисть. – Харе артачиться пацан. За базар отвечать надо!

Старший сержант кивнул с одобрением:

– Так бы сразу! Не пришлось толчки от г***на очищать. А теперь уже поздно. За базар надо отвечать по полной программе. Кстати, с вас обоих по четвертаку. За подрыв воинской дисциплины.

Трое товарищей сержанта поддержали его наставления дружным смехом.

В укромном уголке двора сборного пункта стояла слегка покосившаяся будка, назначение которой ни у кого не вызывала сомнений. Рядом валялись примятое ржавое ведро и поломанная метла с остатками поредевших и давно высохших прутьев. Старший сержант протянул руку в сторону инвентаря и уже безучастным голосом скомандовал:

– Вперёд, черти! Тот, кто первый схватит....

Он не смог договорить очевидно заранее заготовленную фразу. Пашка даже не успел заметить, как Витёк, перехватив сержантскую руку, резко развернул долговязого начальника к себе спиной и намертво прижал шею парня к своей груди. В правой руке невесть откуда появился самый настоящий финский нож. Витька приставил лезвие к правому уху сержанта и, хмуро глядя на опеших командиров, заговорил чётко, без былого кривляния и паясничания:

– Короче, фраера недоделанные! Сейчас я вашему старшему уху отрезать буду. Хотите? – для убедительности проведя лезвием над ухом сержанта, продолжил, – мне на ваши порядки н**ть с высокой колокольни. Ну, чо? Начинать?

Первым опомнился старший сержант. Поняв, что ему не удастся освободиться от крепкого захвата, он всё же смог прохрипеть:

– Не надо... мы всё поняли. Отпусти...

Витька сильнее сдавил шею сдавшегося:

– Заткнись, фуфел, не у тебя, у корефанов твоих спрашиваю. Ну, чо, пацаны, резать?

На сержантов было жалко смотреть: лица их посерели от ужаса, а руки тряслись, не находя места. Никто из них не решался взять на себя инициативу. Витёк сильнее надавил ножом на сержантское ухо. Из-под лезвия показались капли крови. Пашка, схватив товарища за руку, попытался приподнять нож повыше:

– Хорош, Витёк. Будет с него!

Тот кивнул с весёлой злостью:

– Шибко сердобольный ты, Паха! Пусть извинится перед нами, тогда отпущу. Даже толчок чистить не попрошу.

Теперь в себя пришёл тот самый ретивый помощник по имени Фил. Не пытаясь скрыть своего испуга, он заговорил, в спешке проглатывая слова:

– Мы просто пошутить хотели. Мы ведь не знали...

Витька не ему дал договорить. Освободив шею сержанта, он с силой пнул его в спину и, не глядя как тот падает навзничь, обратился к насмерть испуганным парням:

– Вот, что, братишки... Вы свои понятия, где хотите устанавливайте. Только не в нашем вагоне. Увижу, или кто пожалуется, опущу при всех. И ещё: за свой базар ответку держать не смогли. Кишка тонка. А потому, вы все теперь у нас с Пахой в должниках ходить будете. Всю дорогу. Для начала, с каждого из вас по пузырью водки. «Столичной» или «Пшеничной», без разницы. На ваш вкус и выбор. И пожрать сложите, чего повкуснее. Курицу, колбаску... короче, что бы всё на уровне было. – Заметив, что старший сержант пытается подняться с асфальта, придавил его ступню ботинком. – А с тебя, чертило, литр коньку, персонально для Пахи. Сильно ты кореша моего обидел. К тебе и предьява посерьёзке выходит. И напоследок. Деньги, которые с пацанов срубили, в конверт и к жратве приложите. Я потом сам раздам. Усекли?

Глядя вслед убегающим сержантам, Пашка спросил, не поворачивая головы:

– А ты что? И в самом деле ухо мог отрезать?

Виктор ответил, не раздумывая:

– За базар отвечать надо. Так меня люди учили...

Глава 10. По вагонам!

Виктор ответил, не раздумывая:

– За базар отвечать надо. Так меня люди учили, – сплюнув на асфальт, искоса взглянул на товарища, – ты, Паха, про моё перо не базарь особо. Да и вообще, поменьше трепись.

Коробов ответил с нескрываемым раздражением:

– Ты за кого меня держишь? Я что, на трепло похож? – Пашка поймал себя на мысли, что разговаривает на витькином языке. Стараясь больше не подражать знакомцу, продолжил. – Ты, дружище, меру знай. И не надо из себя командира строить. Мы ещё не совсем в армии, а на генерала ты вообще не похож. И завязывай меня «Пахой» звать. Не нравится мне. У меня нормальное имя.

Витька неожиданно улыбнулся. Широко и открыто. Легко хлопнув товарища по плечу, добродушно сказал:

– Ладно. Считай, что договорились. Только кликуху тебе всё равно нужно иметь. Не здесь, так в части прилепят. Да ещё придумают такое, что потом придётся кулаками отклеивать. Тебе это надо?

Коробов даже растерялся от такого поворота. Смутившись, он осторожно спросил:

– А у тебя какая кликуха? Как мне к тебе обращаться?

Витька кивнул с одобрением:

– Правильно мыслишь, Пашка. Мою старую кликуху тебе знать не нужно. Я и сам хочу её позабыть. Ты меня Витьком зови. Потом разберёмся. А с тобой одни проблемы. Даже и не знаю, как тут быть? Короче, сам думай. «Паха» тебе не по кайфу, а у меня прям к языку приклеилось.

Коробов тяжело вздохнул:

– Ладно. Паха, так Паха. Пойдём, что ли?

Витёк тронулся с места, но вдруг остановившись, договорил:

– Нам с тобой теперь друг другу держаться надо. Хрен его знает, что эта сапожня надумает. А вместе всегда легче. Лады?

Пашка улыбнулся:

– Договорились. Лады.

Парни дожидались своей очереди, чтобы занять места в новеньком «Икарусе». Коробов, чувствуя, что его снова начинают раздражать сомнения, усердно делал вид, что внимательно слушает нескончаемый словесный поток своего нового друга. На самом деле он старался хоть как-то привести свои мысли в порядок. «Надо же? Столько событий и всего за несколько часов, – несвязно думал парень, изредка поглядывая на Витьку, – я даже забыл, что надо определяться. По большому счёту, какая разница, где отбывать эти два года. Вон, ребята вообще не замораживаются, как будто им по хрен. Лишь бы поскорее места занять в автобусе. Может обратиться к подполковнику и всё ему объяснить? Ведь должен он понять, что произошло простое недопонимание». Пашка уже было решился воплотить свой замысел, как вдруг, в двух шагах от них остановился один из знакомых сержантов. Хмуро взглянув на Витьку, начальник проронил «деревянным» голосом, очевидно стараясь обозначить некую дистанцию:

– Товарищ призывник, подойдите ко мне.

К удивлению, Пашки, Витёк, придав лицу серьёзное выражение, вытянулся в струнку и отчеканил:

– Есть, товарищ сержант! Разрешите исполнять?

Витёк вошёл в автобус, когда Коробов уже занял им места в левом ряду. Отыскав глазами друга, Виктор поднял над головой туго набитый вещмешок и, смешно виляя корпусом, подошёл к сиденьям:

– Гляди, Паха! Всё исполнили ребятки. Даже про конверт не забыли, – шумно усаживаясь на место, он продолжил скороговоркой, – я правда пересчитывать не стал. Зачем? Если решили

кинуть, то это им боком выйдет. А с пойлом и жратвой у нас тобой полный порядок. Курятиной даже сквозь сидор прёт. Как тебе, Паха?

Пашка почувствовал, что краснеет под пристальными взглядами попутчиков, невольно прислушивавшихся к монологу его товарища. Стараясь сохранять невозмутимый вид, ответил делано-ленивым тоном:

– Всё в норме, Витёк. – немного помолчав, сморозил очевидную глупость. – куда нас повезут?

Кто-то из соседей нервно хмыкнул:

– Ты, чё? Охренел от счастья? На вокзал. Куда ж ещё.

Витёк хотел приструнить смельчака, но в этот момент в салон «Икаруса» вошёл уже знакомый призывникам старший лейтенант. Пашке вдруг подумалось, что политработник пришёл, чтобы назвать его фамилию и закончить эту затянувшуюся комедию. Он почувствовал, как где-то у самого горла бешено заколотилось сердце. Офицер, накоротке переговорив с водителем, повернулся к народу:

– Товарищи призывники! Напоминаю, что во время следования категорически запрещается курить, употреблять спиртные напитки...

Кто-то ехидным голосом перебил старшего лейтенанта:

– А также материться и мочиться по углам автобуса.

Салон буквально взорвался от гогота и обрывков фраз. Молодой офицер явно растерялся, но ему на помощь неожиданно пришёл пожилой водитель. Выйдя из-за перегородки, он, отодвинув в сторону старлея, громко и чётко произнёс:

– А ну-ка умолкли, сопляки! А ежели кто по пьяне курить или ссать здесь удумает, то хозяйство в миг оторву! Всем ясно? Или повторить?

Призывники послушно замолчали.

На перроне гремела музыка духового оркестра. Кто-то из призывников с явно наигранным энтузиазмом заметил:

– Надо же? Знатно нас провожают. Под марш.

Старший лейтенант, видимо стремясь вернуть слегка утраченный авторитет, пояснил голосом учителя начальных классов:

– Провожают не нас, а какую-то команду. То ли студентов, то ли спортсменов. Военкомат оркестр не заказывал...

Его речь жёстко перебил старший сержант, очевидно решив, что голос принадлежит призывнику:

– Отставить разговоры! Всем держаться вместе. Проходим к последнему вагону и там строимся.

Кто-то задал закономерный вопрос:

– Зачем? И так все сумки и рюкзаки перетрясли...

Сержант снова перебил смельчака. Его ответ был короток, прост и понятен всем:

– За тем!

Пашка шёл рядом с Витьком и молча наблюдал, как пассажиры и провожающие расступаются в стороны, уступая дорогу их колонне. Виктор, напротив, продолжал сыпать комментариями, словно никак не мог наговориться. Увидев нарядную женщину, приветливо улыбающуюся их старлею, ткнул Коробова локтем в бок:

– Гляди, Паха, как эта тёлка вырядилась! Наверняка рассчитывает нашего летёху-фуфела закадрить.

Пашка не выдержал:

– Ты замолчишь наконец? Всю дорогу бубнишь и бубнишь. Голова от тебя раскалывается.

Тот лишь хмыкнул:

– Если башка болит, значит в ней есть мозги.

Колонна остановилась у последнего вагона, неподалёку от которого стояла небольшая группа провожающих мужчин и женщин. Сержанты, не дожидаясь распоряжений от старшего лейтенанта, перестроили команду в две шеренги. Старший сержант, очевидно окончательно взяв на себя роль главного, прошёл вдоль строя, по ходу выравнивая носки разношёрстной обуви призывников. Вскоре появился подполковник. Остановившись перед строем и выслушав доклад старшего лейтенанта, оглядел парней, останавливаясь на их лицах. Помолчав, будто собираясь с мыслями, заговорил уверенным тоном:

– Не буду напоминать о том, что в пути следования вы должны вести себя примерно. Не роняя чести и достоинства будущих защитников Родины. Должен всё же предупредить, что до принятия присяги вы находитесь, скажем так, под гражданской юрисдикцией. В случае употребления спиртных напитков, небрежного отношения к оборудованию вагона, хамского отношения к бригаде проводников и прочих проявлений дурости, я буду вынужден передать нарушителя представителям милиции. Они уже сами будут решать, какой срок следует впать такому придурку. – Увидев, что его слова достигли желаемого результата, продолжил уже более мягким голосом. – Ладно. Думаю, что в нашем коллективе эксцессов не будет. Перед тем как вас отпустят для прощания с родными и близкими, нам надо назначить старших по отсекам. Уж не знаю, как правильно называются перегородки в общем вагоне. Старший будет отвечать за поддержание порядка и дисциплины во вверенном ему отсеке. Есть подходящие кандидатуры?

Старший лейтенант, справедливо полагая, что вопрос адресован ему, не успел даже рта открыть, как его опередил Витёк:

– А можно меня в командиры произвести? Порядок будет. Зуб даю!

Строй всколыхнулся от смеха. Старлей хотел приструнить наглеца, но подполковник остановил его порыв жестом:

– Не надо, товарищ старший лейтенант. Это тот случай, когда инициатива не наказуема, а поощряема. – С лёгкой ехидцей взглянув на Витька, резюмировал. – Твой зуб, парень, мне не нужен. Он тебе самому пригодится. А смелость твоя очень даже кстати. Считаю, что ты уже назначен.

Прощание с родными и близкими длилось недолго. Всё это время Пашка пытался заставить себя подойти к подполковнику и объясниться. Но так и не решился. А уже через десять минут, старший сержант вышел на середину перрона и зычным голосом скомандовал:

– По вагонам! Твою мать...

Глава 11. Счастливого пути!

Пашка никогда не ездил в общем вагоне. Сколько он себя помнил, отец всегда выкупал купе для поездок. Сам Юрий Алексеевич редко отправлялся в отпуск вместе с семьёй. То ли дел было невпроворот, то ли по какой другой причине, но в купе они всегда располагались втроём вместе с матерью и Аннушкой. Конечно, отцу не составило бы труда взять пару купе в спальном вагоне, но он считал это излишеством. Уже поднявшись в пропахший углём тамбур, Пашка понял, насколько далёк его прошлый и привычный мир от мира Витька и других нынешних его товарищей. Невольно поморщившись, Коробов двинулся вслед за парнем, стараясь не отстать от прокладывающего дорогу друга. «Прёт как танк, – думал Пашка, глядя как Витёк расталкивает попутчиков, одновременно высматривая свободные места, – везде чувствует себя как дома. Может быть мне действительно повезло, что подвернулся именно Витька, а никто другой. Проблема не в охреневших от власти сержантах. С ними я бы и сам справился. Проблема в том, смог бы я без Витька освоиться в чужой для меня обстановке. Кстати, надо узнать фамилию приятеля. Как-то из головы вылетело...». Наконец, Виктор остановился и оглянувшись на Коробова, кивнул подбородком на пустой отсек:

– Всё Паха! Здесь падаем. Дальше тоже свободно, но там крайний закуток, а затем сортир, – бросив поклажу на верхнюю полку, продолжил комментарии, – место у сортира, всё

равно как шконка у параши. Ты тоже верхнюю полку занимай. Так удобнее. Днём всё равно все на нижних сидят, а ночью наверху спокойнее. А на боковых местах ехать несподручно, того и гляди зацепят по пьяному делу. Короче, приземляемся тута.

Пашка, решив подчеркнуть свою независимость, поставил сумку на нижнюю полку и присев к окну, пояснил свою позицию:

– С детства привык в окно смотреть. Даже ночью. А на нижней полке гораздо сподручнее.

Витёк с видимым безразличием пожал плечами:

– Хозяин – барин. Как знаешь. Сейчас к нам народ подселаться будет. Всех принимать не будем. Я людей знаю. Ты, Паха, подсоби, если что.

Коробов кивнул, и вдруг вспомнив давно мучавший его вопрос, пристально взглянул на товарища:

– А когда ты деньги раздавать собираешься?

Витёк чуть не выронил мешок с едой от неожиданности:

– Какие деньги?

Пашка, вполне понимая, что затронул опасную тему, всё-таки решил добиться конкретики:

– Хватит мне втирать! Те самые, которые сержанты с пацанов собрали.

Товарищ с какой-то жалостью посмотрел на попутчика:

– Я так-то понимал, что у тебя с головой не всё в порядке. Но не до такой же степени? – увидев, что Пашка и не собирается прятать глаза, продолжил уже более твёрдым голосом, – какого х**ра я должен этим фуфелам бабки возвращать? Они повелись на разводилово, значит загодя были готовы. И потом, как я определяю, кому сколько отдавать надо? Он с меня червонец затребует, а сам только рваный и отслонявил. А проверить нельзя. Люди, Паха, они такие, им, брат, чужого не жалко. Лишь бы хапнуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.